

Дело «Кудревичюс и другие (Kudrevičius and Others) против Литвы»¹

(Жалоба № 37553/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 15 октября 2015 г.

По делу «Кудревичюс и другие против Литвы» Европейский Суд по правам человека, заседавая Большой Палатой в составе:

Дина Шпильманна, *Председателя Большой Палаты*,

Йозипа Касадеваля,
Элизабет Штайнер,
Ангелики Нуссбергер,
Боштяна М. Зупанчича,
Георга Николау,
Луиса Лопеса Герры,
Мирьяны Лазаровой Трайковской,
Ганны Юдковской,
Винсента А. де Гаэтано,
Андре Потоцкого,
Хелены Ядерблом,
Алеша Пейхала,
Иоганнеса Силвиса,
Кжиштофа Войтычека,
Эгидиуса Куриса,
Йон Фридрика Кьельбро, *судей*,

а также при участии Сёрена Пребенсена, *заместителя Секретаря Большой Палаты*,

рассмотрев дело в закрытом заседании 9 апреля и 9 сентября 2015 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 37553/05, поданной против Литовской Республики в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со ста-

тей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) пятью гражданами Литвы: Арунасом Кудревичюсом, Брониусом Маркаускасом, Артурасом Пилотой, Кестутисом Мильяускасом и Виргиниюсом Миколаитисом (*Arūnas Kudrevičius, Bronius Markauskas, Artūras Pilota, Kęstutis Miliauskas, Virginijus Mykolaitis*) (далее – заявители), – 8 октября 2005 г.

2. Интересы заявителей представляли в Европейском Суде К. Стунгис (*K. Stungys*) и Э. Лозис (*E. Losis*), адвокаты, практикующие в г. Вильнюсе. Власти Литвы (далее также – власти государства-ответчика) были представлены в Европейском Суде Уполномоченным Литовской Республики в Европейском Суде по правам человека К. Бубните (*K. Bubnytė*).

3. Заявители утверждали, в частности, что их привлечение к ответственности за массовые беспорядки нарушило их права на свободу собраний и на свободу выражения мнения и что закон, на основании которого им были вынесены обвинительные приговоры, не соответствовал требованиям статьи 7 Конвенции.

4. 21 мая 2008 г. жалоба была коммуницирована властям Литовской Республики.

5. Жалоба была передана в производство Второй Секции Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). 26 ноября 2013 г. Палата Второй Секции в составе следующих судей: Гвидо Раймонди, Дануте Йочиенэ, Драголюба Поповича, Андраша Шайо, Ишиля Каракаш, Паулу Пинту де Альбукерке и Хелен Келлер, а также при участии Стенли Найсмита, Секретаря Секции Суда, – единогласно объявила жалобы на нарушение статей 7 и 11 Конвенции приемлемыми для рассмотрения по существу и отклонила остальные пункты жалобы как неприемлемые для рассмотрения по существу. Палата Европейского Суда четырьмя голосами «за» и тремя – «против» решила, что по делу было допущено нарушение статьи 11 Конвенции, и пришла к выводу, что отсутствует необходимость отдельно рассматривать жалобу на нарушение статьи 7 Конвенции, обязав государство-ответчика выплатить каждому заявителю по 2 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

6. 26 февраля 2014 г. власти Литвы ходатайствовали о передаче дела в Большую Палату Европейского Суда на основании статьи 43 Конвенции и правила 73 Регламента Суда. 14 апреля 2014 г. коллегия судей Большой Палаты Европейского Суда удовлетворила это ходатайство.

7. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда.

8. Заявители и власти Литвы предоставили письменные замечания по делу (пункт 1 правила 59 Регламента Суда).

¹ Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева (примеч. редактора).

² Настоящее Постановление вступило в силу 15 октября 2015 г. в соответствии с пунктом 1 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

9. Публичное слушание дела было назначено на 26 ноября 2014 г. Однако в факсимильном сообщении от 27 октября 2014 г. представитель заявителей К. Стунгис указал, что он недостаточно хорошо знает оба официальных языка Европейского Суда, чтобы полноценно участвовать в слушании дела, и что ему не удалось найти другого юриста, обладающего соответствующими навыками, который мог бы ему помочь. В связи с этим он попросил рассмотреть дело в его отсутствие и по собственной инициативе приложил документ на девяти страницах, в котором он по сути ответил на доводы, содержащиеся в замечаниях, которые власти государства-ответчика представили в Большую Палату Европейского Суда. В письме от 30 октября 2014 г. Европейский Суд сообщил властям Литвы, что с учетом позиции представителя заявителей он мог бы рассмотреть вопрос о том, чтобы отказаться от проведения по делу публичного слушания и дать сторонам возможность предоставить письменные ответы на замечания друг друга. В факсимильном сообщении от 3 ноября 2014 г. власти государства-ответчика заявили, что они не возражают против того, чтобы дело рассматривалось без проведения открытого слушания, и что они были бы благодарны за возможность представить письменный ответ на замечания заявителей.

10. 4 ноября 2014 г. Председатель Большой Палаты Европейского Суда решил отменить открытое слушание по делу и первое заседание, назначенное на 26 ноября 2014 г., и предложить сторонам к 17 декабря 2014 г. предоставить дополнительные письменные комментарии в ответ на первоначальные замечания друг друга. Представителю заявителей сообщили, что, если к этому сроку он не пришлет новых замечаний, то ответом на доводы, которые направили в Большую Палату Европейского Суда власти государства-ответчика, будет считаться документ, приложенный к факсимильному сообщению от 27 октября 2014 г.

11. В ноябре 2014 года представитель заявителей (К. Стунгис) скончался. Заявители назначили нового представителя, Э. Лозиса, который пояснил, что ответом заявителей на доводы властей государства-ответчика следует считать документ, приложенный к факсимильному сообщению К. Стунгиса от 27 октября (см. § 9 настоящего Постановления). Об этом сообщили властям Литвы, и 17 декабря 2014 г. они представили свои ответные замечания по делу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

12. Первый заявитель Арунас Кудревичюс (далее – А.К.), 1970 года рождения, проживает в деревне Ваиткунай (*Vaitkūnai*) Утенского района; второй заявитель Брониус Маркаускас (далее –

Б.М.), 1960 года рождения, проживает в деревне Трюшеляй (*Triušėliai*) Клайпедского района; третий заявитель Артурас Пилота (далее – А.П.), 1973 года рождения, проживает в деревне Ожкасвиляй (*Ožkasviliai*) Мариямпольского района; четвертый заявитель Кестутис Миляускас (далее – К.М.), 1959 года рождения, проживает в деревне Юнгенай (*Jungėnai*) Мариямпольского района, а пятый заявитель Виргиниус Миколайтис (далее – В.М.), 1961 года рождения, проживает в деревне Варакишке (*Varakiškė*) Вилкавишкского района.

A. ВЫСТУПЛЕНИЯ ФЕРМЕРОВ

13. 15 апреля 2003 г. группа фермеров провела перед зданием Сейма (Парламента Литвы) митинг протеста против ситуации, сложившейся в сельском хозяйстве, а именно против снижения оптовых цен на различные виды сельскохозяйственной продукции и недостаточности субсидий на их производство, требуя, чтобы государство приняло в связи с этим меры. 22 апреля 2003 г. Парламент Литвы принял Резолюцию «О повышении конкурентоспособности сельского хозяйства», предусматривающую увеличение субсидий в сельскохозяйственном секторе. По мнению заявителей, государство не выполнило положения этой резолюции.

14. 16 мая 2003 г. Палата по сельскому хозяйству (*Žemės ūkio rūmai*) – организация, созданная с целью представлять интересы фермеров, провела совещание, на котором обсуждались возможные пути решения указанных проблем. В случае отсутствия позитивных изменений в правовом регулировании предусмотренные меры включали в себя, в частности, обращение с жалобами в административные суды. Тем временем было принято решение организовывать протесты в трех разных местах рядом с основными автомобильными дорогами страны (*prie magistralinių kelių*), чтобы привлечь внимание к проблемам в сельском хозяйстве.

15. В мае 2003 года администрация г. Калварии (*Kalvarija*) выдала разрешение на проведение мирных собраний в г. Калварии «рядом с рынком» 13–16 мая 2003 г., с 8.00 до 23.00, 17 мая 2003 г., с 8.00 до 15.00, 19–20 мая 2003 г., с 8.00 до 23.00. Организаторов предупредили, что они могут быть привлечены к ответственности согласно Кодексу Литвы об административных правонарушениях, а также Уголовному кодексу Литвы, в том числе по статье 283 Уголовного кодекса Литвы (см. § 62 настоящего Постановления). Как утверждали власти Литвы, аналогичные разрешения, сопровождавшиеся теми же предупреждениями, были выданы на 21–23, 24 и 26–30 мая 2003 г.

16. 8 мая 2003 г. администрация г. Пасвалиса (*Pasvalys*) выдала разрешение на проведение митинга «на автомобильной стоянке на 63-м километре трассы “Виа–Балтика” и рядом с этой трассой». Кроме того, фермерам разрешили выставлять

сельскохозяйственную технику в течение 10 дней, с 15 по 25 мая 2003 г. Организаторам мероприятия 12 мая 2003 г. сообщили о том, что они могут быть привлечены к ответственности согласно Кодексу Литвы об административных правонарушениях, а также Уголовному кодексу Литвы, в том числе в соответствии со статьей 283 Уголовного кодекса Литвы.

17. 19 мая 2003 г. администрация г. Клайпеды (*Klaipėda*) выдала разрешение на проведение собрания в «районе деревни Дивупяй (*Divupiai*) рядом с трассой «Вильнюс–Клайпеда», но не ближе чем за 25 метров от этой трассы» 19–25 мая 2003 г., с 11.00 до 23.00. В разрешении указывалось, что оно предоставляет право провести мирное собрание в соответствии с положениями, *inter alia*¹, Конституции Литовской Республики и Закона Литвы «О собраниях». Кроме того, в нем указывалось, что организаторы и участники собрания обязаны соблюдать законы и следовать указаниям властей и полиции, в противном случае они могли быть привлечены к административной или уголовной ответственности. Второй заявитель, Б.М., указанный среди организаторов мероприятия, расписался в том, что он ознакомлен с этим разрешением.

18. В полицию г. Клайпеды поступила информация о том, что митингующие, возможно, захотят выйти за рамки условий выданных разрешений. Поэтому Б.М. позвонили по телефону и организовали с ним встречу, чтобы избежать нарушений закона при проведении митингов.

19. Митинги начались 19 мая 2003 г. Фермеры собрались в заранее определенных местах.

20. 21 мая 2003 г. фермеры заблокировали движение транспорта и продолжили митинговать на дорогах рядом с деревней Дивупяй на трассе «Вильнюс–Клайпеда», на 63-м километре трассы «Паневежис–Пасвалис–Рига» и на 94-м трассы «Каунас–Мариямполе–Сувалки».

21. Власти Литвы подчеркивали, что полиция не получала предварительных официальных уведомлений о намерении митингующих перекрыть три основные автомобильные дороги страны. Они описывали действия фермеров и заявителей во время митингов следующим образом:

(а) 21 мая 2003 г., около 12.00, группа, насчитывающая около 500 человек, вышла на трассу «Вильнюс–Клайпеда» и осталась стоять там, воспрепятствовав тем самым движению транспорта;

(б) 21 мая 2003 г., в 12.00, группа, насчитывающая около 250 человек, вышла на трассу «Паневежис–Пасвалис–Рига» и осталась стоять там, воспрепятствовав тем самым движению транспорта, 23 мая 2003 г. до 12.00. Первый заявитель призывал митингующих перейти с автомобильной стоянки на трассу;

(с) 21 мая 2003 г., в 11.50, группа, состоящая из 1 500 человек, вышла на трассу «Каунас–Мариямполе–Сувалки» и осталась стоять там, воспрепятствовав тем самым движению транспорта. Кроме того, в тот же день с 15.00 до 16.30 с третьего по пятого заявителя вывели на трассу тракторы и оставили их стоять там 22 мая 2003 г., до 16.00.

22. 22 мая 2003 г. фермеры продолжили переговоры с властями. На следующий день после успешного завершения переговоров фермеры прекратили блокировать движение транспорта по дорогам.

В. ПОСЛЕДСТВИЯ МИТИНГОВ

23. Стороны высказали различные мнения по поводу того, насколько серьезно митинги фермеров нарушили дорожное движение.

24. По утверждениям заявителей (см. § 121 настоящего Постановления), зная о том, что митингующие могут перекрыть трассы, полиция разработала альтернативные объездные маршруты в районе мест проведения митингов, чтобы помехи в движении транспорта не привели к перебоям в поставке товаров. Действительно, в те даты, о которых идет речь, поставка товаров осуществлялась «даже лучше, чем обычно». Это подтверждается «данными с постов, расположенных там, где были перекрыты дороги».

25. В письме адвокату заявителей от 24 августа 2004 г. Государственная пограничная служба Литвы сообщила, что с 21 по 23 мая на границе Литвы и Польши, в районе г. Калварии, в обоих направлениях образовалось несколько пробок из грузовых автомобилей (протяженностью от 2 до 10 километров). Согласно тому же письму «скопления пассажирских автомобилей не наблюдалось». Кроме того, на посту Государственной пограничной службы Литвы в районе г. Лаздияя (*Lazdijai*) (еще один пост на литовско-польской границе) тоже не было пробок.

26. Прежде всего власти Литвы отмечали, что трасса «Вильнюс–Клайпеда» – это основная автомобильная дорога, соединяющая три крупнейших города страны, а трассы «Паневежис–Пасвалис–Рига» («Виа–Балтика») и «Каунас–Мариямполе–Сувалки» – это транзитные автомобильные дороги, используемые для въезда в страну и выезда из нее. По утверждениям властей Литвы, движение транспорта по всем трем трассам было заблокировано в районах, примыкающих к таможенному посту, приблизительно на 48 часов.

27. Власти Литвы утверждали, в частности, что из-за перекрытия трассы «Каунас–Мариямполе–Сувалки» машины не смогли проходить через пункт пограничного контроля, и на границе Литвы и Польши, в районе г. Калварии, выстроились очереди из большегрузных автомобилей. Водители этих автомобилей вынуждены были искать пути объезда по другим дорогам, чтобы не попасть в

¹ *Inter alia* (лат.) – в числе прочего, в частности (примеч. переводчика).

пробки. Поскольку работа таможенного поста г. Калварии была нарушена, территориальное управление таможенной службы по Каунасскому уезду было вынуждено перераспределить кадровые ресурсы, а также подготовить возможные варианты реорганизации своей деятельности совместно с Государственной пограничной службой Литвы и таможней Польши. Вследствие этого территориальное управление таможенной службы по Каунасскому уезду понесло дополнительные расходы, однако расчет конкретной суммы материального ущерба не был произведен.

28. По сообщениям полиции г. Калварии, дорога была перекрыта 22 мая 2003 г. Полиция направляла грузовые автомобили, возвращавшиеся в Литву из Польши, на автомобильную стоянку, расположенную на границе в районе г. Калварии. Около 11.40 водители грузовиков подошли к фермерам. Они требовали прекратить воспрепятствование движению транспорта, угрожая применением физической силы. Полиция призвала участников конфликта успокоиться и дожидаться результатов переговоров между фермерами и премьер-министром Литвы. По утверждениям властей Литвы, фермеры и водители грузовиков немного поспорили, но более серьезных столкновений удалось избежать. Около 16.15, когда фермерам позвонили и сказали, что переговоры завершились успехом, они убрали с дороги один трактор. После этого движение транспорта возобновилось в обоих направлениях.

29. Кроме того, власти Литвы отмечали, что из-за перекрытия трассы «Вильнюс–Рига» 22 мая 2003 г., с 14.00 до 16.00, большегрузные автомобили не могли пересечь границу, и в обоих направлениях образовались пробки протяженностью 1 600 и 700 метров соответственно. Машины объезжали заторы по грунтовой дороге.

30. 1 сентября 2003 г. полиция г. Пасвалиса выдала справку, в которой указывалось, что 19–23 мая 2003 г. фермеры провели митинг на автомобильной стоянке на 63-м километре трассы «Паневежис–Пасвалис–Рига». 21 мая 2003 г., около полудня, фермеры вышли на трассу и блокировали движение транспорта. Они пропускали только пассажирские автомобили и автомобили, перевозящие опасные грузы. Автомобили, перевозящие товары, и легковые автомобили пропускали по 10 штук в час в каждую сторону. С целью улучшить ситуацию сотрудники полиции попытались направить движение транспорта в обход через соседние деревни. Однако из-за плохого состояния прилегающих дорог не все грузовики с товарами смогли там проехать, и они были вынуждены оставаться на трассе до тех пор, пока фермеры не ушли. Некоторые грузовики увязли в песке, и для того, чтобы их вытащить, потребовалась специальная техника. Полиция отметила, что фермеры перестали блокировать движение транспорта по трассе 23 мая 2003 г., в 16.00.

31. Как следует из предоставленных в Европейский Суд документов, в мае и сентябре 2003 года четыре компании, занимающиеся грузоперевозками, уведомили полицию и национальную ассоциацию автомобильных перевозчиков Литвы («Линава») о том, что в результате перекрытия трасс во время митингов фермеров им был причинен материальный ущерб на сумму 25 245 литовских литов (около 7 300 евро). Компании заявили, что они будут добиваться возмещения этого ущерба в судебном порядке.

32. Как утверждали власти Литвы, несмотря на то, что, в конечном счете, был подан только один иск о возмещении материального ущерба (см. § 40 настоящего Постановления), из-за перебоев в движении транспорта ущерб был причинен нескольким компаниям, занимающимся грузоперевозками. По данным ассоциации «Линава», компания «Вильняус Добилас» понесла ущерб в размере 6 100 литов (около 1 760 евро), компания «Рокаута» – 4 880 литов (около 1 400 евро), а компания «Имменсум» – 3 600 литов (около 1 050 евро). Кроме того, в письме от 26 мая 2003 г. компания «Ридма» указала, что ущерб, который ей причинило перекрытие трасс, составил 10 655 литов (около 3 000 евро).

С. УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА, ВОЗБУЖДЕННЫЕ В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЕЙ

1. Предварительное следствие и рассмотрение дела Каунасским апилинковым¹ судом в качестве суда первой инстанции

33. В отношении заявителей и ряда других лиц началось предварительное следствие по подозрению в массовых беспорядках. В июле 2003 года Б.М., В.М., А.П. и К.М. запретили покидать место жительства. В октябре 2003 года эта мера была отменена.

34. 1 октября 2003 г. полиция наложила на фермера А.Д. штраф в размере 40 литов (около 12 евро). По мнению заявителей, документы полиции, касающиеся этого штрафа, свидетельствуют, что 21 мая 2003 г. А.Д. вывел фермеров на трассу «Каунас–Мариямполь–Сувалки» в районе г. Калварии, чтобы перекрыть ее. Он вышел на середину дороги, толкая перед собой тачку, и заблокировал движение транспорта. Этими действиями А.Д. нарушил пункт 81 правил дорожного движения (см. § 67 настоящего Постановления), совершив тем самым административное правона-

¹ Апилинка (лит. *apilinka*) – низшая административно-территориальная единица Литвы. В судебной системе Литвы апилинковые суды как суды первой инстанции рассматривают основную массу дел (примеч. редактора).

рушение, предусмотренное статьей 131 Кодекса Литвы об административных правонарушениях (см. § 66 настоящего Постановления).

35. Власти Литвы отмечали, что производство по уголовному делу в отношении А.Д. было прекращено 1 августа 2003 г., поскольку он не являлся организатором и не подстрекал людей к серьезному нарушению общественного порядка. Был сделан вывод, что его действия (он ходил по середине проезжей части, толкая перед собой тачку) не охватываются частью первой статьи 283 Уголовного кодекса Литвы (см. § 62 настоящего Постановления). Далее власти Литвы указывали, что по аналогичным основаниям было прекращено производство по уголовным делам в отношении еще трех обвиняемых. Производство по уголовному делу в отношении четвертого обвиняемого было прекращено в связи с тем, что он пользовался неприкосновенностью как депутат парламента.

36. 4 декабря 2003 г. обвинительное заключение было передано в суды. Б.М. и А.К. обвинялись в подстрекательстве к нарушению общественного порядка согласно части первой статьи 283 Уголовного кодекса Литвы.

37. Прокурор отметил, что Б.М. принимал участие в собрании фермеров 16 мая 2003 г., на котором фермеры решили 19 мая провести митинги недалеко от главных автомобильных дорог страны, а в случае невыполнения властями их требований 21 мая к 11.00 перекрыть эти трассы. 19 мая Б.М. сказал фермерам, чтобы 21 мая они перекрыли трассы. В результате 21 мая, в 12.09, на трассу «Вильнюс–Клайпеда» вышли около 500 фермеров. Фермеры отказались подчиниться требованиям полиции не стоять на проезжей части автодороги. Таким образом, движение транспорта было парализовано до 13 часов 23 мая. На соседних дорогах образовались пробки, и движение автомобильного транспорта в регионе стало невозможным.

38. Относительно А.К. прокурор утверждал, что он также призывал фермеров перекрыть трассу. В результате в полдень 21 мая 2003 г. на трассу «Паневежис–Пасвалис–Рига» вышли около 250 человек, которые отказались подчиниться требованиям сотрудников полиции не перекрывать трассу. Дорога была заблокирована до 23 мая, до 10.58. Соседние дороги переполнились. Была нарушена нормальная работа пограничного контрольно-пропускного пункта в районе «Салочай–Гренцтале» (*Saločiai-Grenctale*).

39. В.М., К.М. и А.П. были предъявлены обвинения в серьезном нарушении общественного порядка во время митинга согласно части первой статьи 283 Уголовного кодекса Литвы. Прокурор утверждал, что 21 мая 2003 г., около 11.50, на 94-й километр трассы «Каунас–Мариямполь–Сувалки» вышли около 1 500 человек. Около 15.00–16.00 указанные заявители выехали на трассу на трех тракторах и оставили их на проезжей части.

Эти трое заявителей отказались следовать требованиям полиции не нарушать общественный порядок и не оставлять тракторы на дороге. Тракторы находились на дороге до 23 мая 2003 г., до 16.15. В результате трасса оказалась перекрытой с 84-го по 94-й километр. Из-за возросшей интенсивности движения по соседним дорогам образовались заторы, и движение автомобильного транспорта в регионе было парализовано. Кроме того, была нарушена нормальная работа пограничных контрольно-пропускных пунктов в районе городов Калварии и Мариямполь.

40. В рамках производства по уголовному делу компания, занимающаяся грузоперевозками, подала гражданский иск к А.К. как к лицу, подстрекавшему фермеров перекрыть трассу «Паневежис–Пасвалис–Рига». Компания добивалась возмещения ущерба в размере 1 100 литов (около 290 евро), который, как она утверждала, был ей причинен в результате перекрытия этой трассы.

41. Каунасский апилинковый суд провел несколько заседаний по делу, в ходе которых было заслушано множество свидетельских показаний.

42. 29 сентября 2004 г. Каунасский апилинковый суд признал заявителей виновными в подстрекательстве к массовым беспорядкам или участию в них согласно части первой статьи 283 Уголовного кодекса Литвы.

43. В основу вынесенного Б.М. обвинительного приговора апилинковый суд положил видеозаписи произошедшего, документальные доказательства и показания одного свидетеля. Суд пришел к выводу, что Б.М. организовал мероприятие с целью совершить серьезное нарушение общественного порядка, а именно путем проведения митинга. Б.М. являлся одним из основных организаторов митинга фермеров, состоявшегося 16 мая 2003 г., на котором фермеры решили попытаться достичь своих целей, организовав акции протеста рядом с основными автомобильными дорогами страны. Апилинковый суд отметил, что второй заявитель координировал действия фермеров, вследствие чего 21 мая 2003 г. на трассу «Вильнюс–Клайпеда» вышли около 500 человек, перекрыв ее. В результате дорожное движение было парализовано до 23 мая 2003 г. Вытекающее из этого серьезное нарушение общественного порядка было совершено умышленно, и его нужно квалифицировать как массовые беспорядки. Апилинковый суд отклонил довод Б.М., который утверждал, что он и другие фермеры действовали в состоянии крайней необходимости, так как перекрытие трассы было их последней возможностью привлечь внимание властей к своим проблемам. У фермеров была альтернатива: они могли бы обратиться с жалобами в административные суды. Фермеры сами обсуждали данный вариант действий на собрании 16 мая 2003 г. (см. § 14 настоящего Постановления). Далее апилинковый суд отметил,

что лицо, создавшее своими действиями опасную ситуацию, может ссылаться на положения о крайней необходимости лишь тогда, когда опасная ситуация возникла по неосторожности (часть вторая статьи 31 Уголовного кодекса Литвы, см. § 65 настоящего Постановления). Однако действия Б.М. были умышленными, следовательно, имелись основания признать его виновным в организации массовых беспорядков.

44. Апилинковый суд счел установленным главным образом на основании видеозаписей и документальных доказательств, что А.К. также организовал мероприятие с целью совершить серьезное нарушение общественного порядка. Он принял участие в собрании фермеров 16 мая 2003 г. и знал о решении провести акции протеста рядом с трассами. Когда 21 мая 2003 г. толпа фермеров перекрыла трассу «Паневежис–Пасвалис–Рига», произошло серьезное нарушение общественного порядка. Движение транспорта на этой части дороги прекратилось, что причинило неудобства водителям и перевозчикам грузов. Апилинковый суд постановил, что «во время перекрытия дорог 21 и 22 мая А.К. координировал действия толпы, то есть давал указания пропускать некоторые автомобили, подстрекал [фермеров] продолжать митинговать и не уходить с трассы, поддерживал связь с участниками протестов в Калварийском самоуправлении и Клайпедском уезде [и] от имени фермеров вел переговоры с властями по сотовому телефону». Апилинковый суд подчеркнул, что собравшиеся фермеры (около 250 человек) «подчинялись действиям А.К. и следовали его указаниям». С точки зрения апилинкового суда, действия А.К. следует квалифицировать как организацию массовых беспорядков согласно части первой статьи 283 Уголовного кодекса Литвы.

45. На основании письменных доказательств, предоставленных ассоциацией «Линава», апилинковый суд также пришел к выводу, что, организовав перекрытие трассы «Паневежис–Пасвалис–Рига», А.К. причинил материальный ущерб трем компаниям, занимающимся грузоперевозками. Ввиду того, что одна из этих компаний подала гражданский иск на сумму 1 100 литов (около 290 евро) (см. § 40 настоящего Постановления), апилинковый суд счел нужным его удовлетворить.

46. Признав В.М., К.М. и А.П. виновными в серьезном нарушении общественного порядка во время митинга, апилинковый суд на основании документальных доказательств, аудио- и видеоматериалов и показаний двух свидетелей установил, что 21 мая 2003 г., с 11.50 до 16.15, трое подсудимых выехали на тракторах на 94-й километр трассы «Каунас–Мариямполь–Суваyki». Они отказались подчиниться законным требованиям сотрудников полиции не нарушать общественный порядок и не оставлять тракторы на дороге (*ant važiuojamosios kelio dalies*) и не убрали

тракторы с проезжей части до 22 мая 2003 г., до 16.15. Вследствие этого, а также из-за того, что на дороге собралось около 1 500 человек, движение транспорта на участке трассы «Каунас–Мариямполь–Суваyki» с 84-го по 94-й километр оказалось парализовано, образовались пробки, и была нарушена нормальная работа пограничных контрольно-пропускных пунктов в районе городов Калварии и Лаздияя.

47. Каждому из пяти заявителей было назначено наказание в виде ареста (*baudžiamasis areštas*) на 60 суток. Кроме того, апилинковый суд отметил, что все заявители характеризуются положительно и что отсутствуют отягчающие их вину обстоятельства. Соответственно, имелись основания полагать, что цели наказания можно было достичь без реального лишения их свободы. Исходя из этого апилинковый суд отсрочил исполнение назначенного им наказания сроком на один год. Заявителей обязали не покидать место жительства на срок более семи дней без предварительного согласия властей. Данная мера должна была оставаться в силе в течение одного года, до окончания отсрочки исполнения наказаний.

48. Кроме того, апилинковый суд вынес оправдательные приговоры двум другим лицам, обвиненным в организации массовых беспорядков, ввиду недостаточности доказательств.

2. Жалоба в Каунасский окружной суд

49. 18 октября 2004 г. заявители подали жалобу в Каунасский окружной суд. Они отмечали, *inter alia*, что еще один фермер, А.Д., был привлечен за аналогичное нарушение к административной ответственности (см. §§ 34–35 настоящего Постановления).

50. Далее заявители утверждали, что в государствах – членах Европейского союза (далее – ЕС) перекрытие дорог допускается как форма манифестаций и что право проводить митинги гарантируется статьями 10 и 11 Конвенции. При этом они ссылались, *inter alia*, на статью 2 Регламента Совета ЕС № 2679/98 от 7 декабря 1998 г. (см. § 77 настоящего Постановления) и на доклад Европейской комиссии № COM (2001)160 от 22 марта 2001 г. о применении подобного регламента, а также на решение Суда Европейского союза по делу «Евгений Шмидбергер, компания “Интернационале транспорт” и компания “Планцур” против Австрии» (*Eugen Schmidberger, Internationale Transporte und Planzüge v. Austria*) (см. §§ 73–76 настоящего Постановления).

51. 14 января 2005 г. Каунасский окружной суд пришел к выводу, что апилинковый суд выполнил тщательную и беспристрастную оценку всех обстоятельств дела. Суд второй инстанции отметил, что такое преступление, как массовые беспорядки, ставит под угрозу общественный порядок, безопас-

ность общества, здоровье и достоинство человека и неприкосновенность имущества. Объективная сторона данного преступления заключается в организации массового мероприятия с общей целью совершить нарушение общественного порядка и в выполнении решения участников этого мероприятия, в данном случае решения перекрыть трассы. Для того, чтобы эти действия являлись преступлением, они должны быть совершены умышленно, то есть обвиняемые должны понимать незаконность своего поведения. Относительно Б.М. и А.К. окружной суд отметил: во время митингов эти заявители сказали другим людям, что принято решение перекрыть трассы. Как было установлено, Б.М. и А.К. понимали, что перекрытие дорог будет незаконным, и их предупреждали, что они будут привлечены к ответственности как организаторы. Тем не менее они продолжали координировать действия фермеров и настояли на том, чтобы фермеры не прекращали блокировать дорожное движение. Непосредственным следствием действий Б.М. и А.К. стало то, что 21 мая 2003 г. толпа вышла на трассы и перекрыла их, воспрепятствовав тем самым движению транспорта и нарушив конституционные права и свободы других лиц на свободное и беспрепятственное передвижение, причинив ущерб перевозчикам грузов и совершив тем самым серьезное нарушение общественного порядка.

52. Кроме того, окружной суд согласился с выводом апилинкового суда о наличии оснований для вынесения обвинительных приговоров В.М., К.М. и А.П. Он отметил, что, выехав на трассу на тракторах, эти трое заявителей создали препятствия и нарушили работу Государственной пограничной службы Литвы, а отказавшись подчиниться законным требованиям сотрудников полиции не оставляя свои тракторы на дороге, они совершили серьезное нарушение общественного порядка. После того, как трасса была перекрыта, полиция и водители провели переговоры с фермерами, в результате чего некоторых водителей пропустили, но это не снизило степень общественной опасности и незаконности совершенного преступления. Кроме того, окружной суд подчеркнул, что перекрытие основной трассы имело опасные последствия и не может считаться простым административным правонарушением, как, например, нарушение правил дорожного движения. Относительно довода заявителей о том, что их преступления ничем не отличаются от правонарушения, совершенного еще одним фермером, А.Д., который за нарушение правил дорожного движения был привлечен всего лишь к административной ответственности (см. § 49 настоящего Постановления), окружной суд отметил, что он не является административным судом, а значит, не может делать комментарии по поводу административных правонарушений.

53. Отметив, что согласно статье 10 Конвенции заявители имеют право на свободу выражения мнения, окружной суд, тем не менее, указал, что это право не является неограниченным, если речь идет об интересах общественного порядка и о предотвращении преступлений. Аналогичные ограничения свободы выражения мнения предусмотрены статьей 25 Конституции Литовской Республики (см. § 61 настоящего Постановления). По данному вопросу окружной суд подчеркнул, что поведение Б.М. и А.К., руководивших действиями других участников протеста, нельзя считать ненаказуемым выражением мнения, так как они нарушили общественный порядок, а, следовательно, подлежат уголовной ответственности.

54. Далее, как отметил окружной суд, преступление не утратило общественной опасности просто потому, что власти отказались повысить оптовые цены или, как утверждалось, не приняли необходимых мер.

3. Жалоба по вопросам права, поданная в Верховный суд Литвы

55. 2 марта 2005 г. заявители подали на вышеуказанное решение жалобу по вопросам права.

56. 4 октября 2005 г. Верховный суд Литвы, заседая палатой в расширенном составе семи судей (см. § 70 настоящего Постановления), оставил жалобу заявителей без удовлетворения. Верховный суд Литвы пояснил, в чем заключается суть преступления, предусмотренного частью первой статьи 283 Уголовного кодекса Литвы (массовые беспорядки) (см. § 62 настоящего Постановления), указав, что с точки зрения объекта преступления (*nusikaltimo objektas*) оно относится к преступлениям против общественного порядка. Верховный суд Литвы уточнил, что объективная сторона преступления включает в себя следующие элементы: организацию мероприятия с целью публично совершить насильственные действия, причинение имущественного ущерба или иное нарушение общественного порядка или совершение этих действий во время массового выступления. По мнению Верховного суда Литвы, массовые беспорядки представляют собой ситуацию, когда группа людей умышленно допускает серьезное нарушение общественного порядка, публично совершает насильственные действия или причиняет имущественный ущерб. Субъективная сторона этого преступления характеризуется прямым умыслом (*kaltė pasireiškia tiesiogine tyčia*). Виновный должен (i) знать, что он совершает действия, являющиеся преступлением согласно части первой статьи 283 Уголовного кодекса Литвы, и (ii) хотеть совершить эти действия.

57. Обратившись к обстоятельствам настоящего дела, Верховный суд Литвы пришел к выводу, что нижестоящие суды правильно квалифициро-

вали действия заявителей согласно части первой статьи 283 Уголовного кодекса Литвы. В частности, суд первой инстанции должным образом установил все условия применения части первой статьи 283, в частности, наличие группы людей и факт нарушения общественного порядка путем перекрытия трасс, остановки движения транспорта и нарушения работы Государственной пограничной службы Литвы. Заявителям были вынесены обвинительные приговоры в соответствии с законом, который действовал на момент совершения ими преступлений, и назначены наказания согласно нормам Уголовного кодекса Литвы. Следовательно, привлечение заявителей к ответственности было предусмотрено законом и не нарушало пункт 1 статьи 7 Конвенции.

58. Кроме того, как отметил Верховный суд Литвы, заявители были привлечены к ответственности не за то, что они выражали мнения или распространяли идеи, то есть совершали действия, на которые распространяются гарантии, предусмотренные пунктом 1 статьи 10 Конвенции, а за действия, которыми они серьезно нарушили общественный порядок.

59. Наконец, Верховный суд Литвы согласился с мнением окружного суда в том, что заявители нельзя считать действовавшими в состоянии крайней необходимости (см. § 54 настоящего Постановления). Снижение закупочных цен на молоко и другие проблемы с субсидированием сельского хозяйства не предполагали ясной или неминуемой опасности причинения имущественного ущерба, поскольку соответствующее имущество еще не приобрело материальную форму. Государство не лишило заявителей имущества, а их неудовлетворение государственной политикой в области сельского хозяйства не оправдывало действий, за совершение которых заявители были привлечены к ответственности.

60. Решениями от 17, 18, 20, 21 октября и 7 ноября 2005 г. Верховный суд Литвы отменил наказания, назначенные заявителям с отсрочкой исполнения.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЛИТВЫ

А. КОНСТИТУЦИЯ ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

61. Статьи 25 и 36 Конституции Литовской Республики предусматривают следующее:

«Статья 25

Человек имеет право на свои убеждения и свободное их выражение.

Человеку не должны чиниться препятствия в поиске, получении и распространении информации и идей.

Свобода выражать убеждения, получать и распространять информацию не может ограничиваться иначе, как только законом, если это необходимо для защиты здоровья, чести и достоинства, частной жизни, нравственности человека или конституционного строя.

Свобода выражения убеждений и распространения информации несовместима с преступными действиями – разжиганием национальной, расовой, религиозной или социальной ненависти, насилия и дискриминации, с клеветой и дезинформацией...

Статья 36

Нельзя запрещать или препятствовать гражданам собираться без оружия на мирные собрания.

Это право не может ограничиваться иначе как только законом и только в случае необходимости защитить государственную или общественную безопасность, общественный порядок, здоровье или нравственность людей либо права и свободы других лиц».

В. УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС ЛИТВЫ

62. Уголовный кодекс Литвы был опубликован в «Официальном вестнике» (*Valstybės žinios*) Литвы 25 октября 2000 г. и вступил в силу 1 мая 2003 г. Часть первая статьи 283 данного кодекса устанавливает уголовную ответственность за массовые беспорядки, которые относятся к преступлениям против общественного порядка. Указанная статья гласит:

«Статья 283. Массовые беспорядки

1. Тот, кто организовал либо спровоцировал скопление людей на массовые беспорядки, сопровождавшиеся открытым насилием, уничтожением имущества или иными грубыми нарушениями общественного порядка, а также тот, кто во время массовых беспорядков применял насилие, уничтожал имущество либо грубо нарушал общественный порядок иным способом,

наказывается арестом (*baudžiamasis areštas*) либо лишением свободы на срок до пяти лет».

63. Согласно частям первой и второй статьи 75 Уголовного кодекса, если за совершение одного или нескольких преступлений небольшой или средней тяжести человеку назначено наказание в виде лишения свободы на срок не более трех лет, суд может отсрочить исполнение наказания на срок от одного до трех лет. Исполнение наказания может быть отсрочено, если суд придет к выводу о наличии достаточных оснований полагать, что цель наказания может быть достигнута без реального отбывания наказания. При отсрочке исполнения наказания суд может обязать осужденного не менять место жительства на срок более семи дней без предварительного согласия инстанции, осуществляющей контроль за отбыванием наказания.

64. Согласно статье 97 Уголовного кодекса лица, осужденные за совершение преступления, обвинительный приговор в отношении которых вступил в

законную силу, считаются имеющими судимость. Лица, исполнение которыми наказания было отсрочено, признаются имеющими судимость в течение того срока, на который отложено исполнение наказания.

65. В статье 31 Уголовного кодекса раскрывается понятие крайней необходимости (*būtinasis reikalingumas*). В ней сказано, что человек не подлежит уголовной ответственности за деяния, которое он совершил для устранения непосредственной опасности, угрожающей ему самому, иным лицам или их правам, интересам общества или государства, если эту опасность нельзя было устранить другими средствами, а причиненный при этом вред оказался менее значительным, чем предотвращенный. Тем не менее лицо, создавшее своими действиями опасную ситуацию, может ссылаться на положения о крайней необходимости лишь тогда, когда опасная ситуация была создана по неосторожности (*dėl neatsargumo*).

С. КОДЕКС ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ И ПРАВИЛА ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

66. В период времени, фигурирующий по делу, статья 124¹ Кодекса Литовской Республики об административных правонарушениях предусматривала административную ответственность за нарушение водителями правил дорожного движения. В этой статье указывалось, что нарушение правил остановки и стоянки водителя на трассе влечет за собой штраф в размере от 100 до 150 литов (около 30–45 евро). Статья 131 данного кодекса устанавливала административную ответственность за несоблюдение пешеходами требований дорожных знаков, за пересечение проезжей части и хождение по ней. Это правонарушение влекло за собой штраф в размере 30–50 литов (около 8–15 евро).

67. В соответствии с правилами дорожного движения пешеходы обязаны передвигаться по тротуару, а в случае его отсутствия – по правой стороне дороги в один ряд (пункт 81 правил).

Д. ЗАКОН ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ «О СОБРАНИЯХ»

68. В частях, имеющих отношение к настоящему делу, Закон Литовской Республики «О собраниях» предусматривает следующее:

«...Статья 8. Запрещенные собрания

Собрания запрещены, если их участники:

...2) управляют транспортными средствами таким образом, что это угрожает безопасности дорожного движения, ставит под угрозу безопасность и здоровье участников собрания и других лиц или нарушает общественный порядок и мир...

Статья 17. Прекращение собрания по инициативе сотрудников полиции

Собрание прекращается сотрудниками полиции, в обязанности которых входит обеспечивать соблюдение закона в ходе собрания, если после публичного предупреждения организаторы или участники собрания:

1) совершают умышленное и грубое нарушение порядка организации собраний, установленного настоящим законом...

2) пытаются совершить или совершают под прикрытием собрания преступления против независимости, территориальной целостности и конституционного строя Литовской Республики либо иные умышленные уголовно наказуемые посяательства на чью-то жизнь, здоровье, свободу, честь и достоинство либо на безопасность населения, организацию управления государством и общественный порядок;

3) лично или коллективными действиями совершают нарушение или создают реальную угрозу нарушения дорожного движения или деятельности государственных учреждений, организаций и местных органов власти...».

69. Согласно статье 188⁷ Кодекса Литовской Республики об административных правонарушениях:

«Нарушение Закона «О собраниях» влечет за собой штраф в размере от 500 до 2 000 литов или административный арест на срок до тридцати суток.

Нарушения общественного порядка на других важных мероприятиях влекут за собой штраф в размере от 100 до 500 литов».

Е. ЗАКОН ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ «О СУДАХ»

70. В период, относящийся к обстоятельствам дела, Закон Литовской Республики «О судах» предусматривал, что Верховный суд Литвы создает единообразную судебную практику в области толкования и применения законом и иных правовых актов. Кроме того, Верховный суд Литвы анализирует практику судов и дает рекомендации, подлежащие исполнению. В зависимости от сложности дела Верховный суд Литвы мог рассматривать дело палатами в составе трех или семи судей или на пленарном заседании (статьи 23, 27, 36).

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ПРАКТИКА ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

А. ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПРАКТИКА СУДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

1. Дело «Комиссия против Франции»

71. Суд Европейского союза рассмотрел вопрос о воспрепятствовании свободному движе-

нию товаров в Решении от 9 декабря 1997 г. по делу № C-265/95 «Комиссия против Франции» (Commission v. France), в котором речь шла о серьезных происшествиях на юге Франции. Французские фермеры уничтожали сельскохозяйственную продукцию из Испании и Италии и совершали акты насилия и вандализма, затронувшие соответствующие секторы оптовой и розничной торговли. Суд Европейского союза подчеркнул, что в соответствии с Договором о Европейском союзе европейский внутренний рынок характеризуется отменой препятствий свободному движению товаров в отношениях между государствами-участниками. Статья 30 договора запрещает применять в отношениях между государствами-участниками количественные ограничения импорта и любые меры, имеющие аналогичные последствия. Следовательно, все прямые или косвенные, реальные или потенциальные барьеры на пути потоков импорта в торговле внутри сообщества должны быть устранены. Статья 30 Договора о Европейском союзе во взаимосвязи со статьей 5 этого же договора применяется и в тех случаях, когда государство-участник воздерживается от мер, необходимых для устранения препятствий свободному движению товаров, которые возникли не по вине государства.

72. Суд Европейского союза допустил, что при определении того, какие меры уместнее всего принимать в этой области, государства пользуются определенными пределами собственного усмотрения. Вместе с тем очевидно, что акты насилия, совершенные во Франции в отношении сельскохозяйственной продукции из других государств-участников, препятствуют торговле этой продукцией внутри Сообщества. Происшествия, о которых идет речь, происходили регулярно на протяжении более 10 лет, и в некоторых случаях властям Франции поступали предупреждения о неизбежности выступлений фермеров, перебои продолжались в течение нескольких часов, а акты вандализма, совершенные лицами, которые нередко не скрывали своих лиц, были зафиксированы телевизионными камерами. Несмотря на это, лишь очень немногие из них были выявлены и привлечены к ответственности. Этого оказалось достаточно, чтобы Суд Европейского союза решил, что принятых властями Франции мер оказалось явно недостаточно для обеспечения свободы торговли сельскохозяйственной продукцией внутри Сообщества на ее территории и что Франция не выполнила своих обязательств согласно статье 30 Договора о Европейском союзе во взаимосвязи со статьей 5 данного договора. Из-за этого сложилась нестабильная обстановка, негативно сказавшаяся на торговых потоках в целом, а сложное положение французских фермеров не может оправдывать бездействие государства-участника в отношении правильного применения норм коммунитарного права Европейского союза, поскольку Франция не

доказала, что реализация этих норм может вызвать нарушение общественного порядка, с которым государство не смогло бы справиться. Угроза серьезного нарушения общественного порядка в соответствующих случаях действительно может оправдывать невмешательство полиции, однако данный довод можно приводить лишь применительно к одному конкретному инциденту, а не в отношении всех инцидентов, о которых идет речь в деле, в общем плане.

2. Дело «Шмидбергер и другие против Австрии»

73. В Решении от 12 июня 2003 г. по делу № C-112/00 «Евгений Шмидбергер, компания “Интернационале транспорт” и компания “Планцуг” против Австрии» (Eugen Schmidberger, Internationale Transporte and Planzüge v. Austria) Суд Европейского союза вынес предварительное Постановление по вопросу о толковании статей 30, 34 и 36 Договора о Европейском союзе (в настоящее время это статьи 34–36 Договора о функционировании Европейского союза) во взаимосвязи со статьей 5 Договора о Европейском союзе (которую по сути отменил и заменил пункт 3 статьи 4 Договора о Европейском союзе) и об условиях привлечения государства-участника к ответственности за ущерб, причиненный частным лицам нарушением коммунитарного права Европейского союза. Дело было возбуждено в связи с разрешением организовать митинг на Бреннерштрассе, выданным властями Австрии группе экологов, в результате чего движение транспорта по этой трассе оказалось полностью парализовано почти на 30 часов. В сочетании с ранее введенным по всей Австрии общим запретом на движение транспорта в праздничные дни это привело к тому, что Бреннерштрассе (важнейшая транзитная автомобильная дорога в масштабе сообщества) оказалась закрыта для большегрузных автомобилей на четыре дня, с небольшими перерывами на несколько часов.

74. Сославшись на принципы, сформулированные в деле «Комиссия против Франции» (см. §§ 71–72 настоящего Постановления), относительно позитивных обязательств государств-участников в этой области Суд Европейского союза постановил, что, не запретив ожалуемый по делу митинг, власти Австрии ограничили свободу движения товаров. Далее он рассмотрел вопрос о том, можно ли оправдать подобное бездействие объективными соображениями. Суд Европейского союза отметил, что конкретные цели митинга сами по себе не имеют отношения к установлению ответственности государства-участника по Договору о Европейском союзе; важна только та цель, которую преследовали власти страны, а именно соблюдение основных прав на свободу выражения мнения и свободу собраний. И свобода движения

товаров, один из основных принципов Договора о Европейском союзе, и права, гарантированные статьями 10 и 11 Конвенции, могут подлежать определенным ограничениям в контексте преобладающих требований обеспечения интересов общества. Остается выяснить, были ли допущенные властями Австрии пассивные ограничения свободы движения товаров соразмерны преследуемой правомерной цели или нет.

75. В этой связи Суд Европейского союза отметил, что между делом «Евгений Шмидбергер, компания “Интернационале транспорт” и компания “Планцуг” против Австрии» и делом «Комиссия против Франции» можно провести следующие различия: (а) митингующие обратились за разрешением; (б) препятствия свободе движения товаров были ограничены в географическом плане; (с) цель митингующих не заключалась в ограничении торговли товарами какого-то конкретного типа или из какого-либо конкретного источника; (d) компетентные органы власти принимали различные административные и сопроводительные меры (проведение общественных кампаний, введение различных альтернативных маршрутов, меры по обеспечению безопасности в месте проведения митинга), чтобы по мере возможности ограничить последствия перебоев в движении транспорта; (е) митинг не создал общей атмосферы нестабильности, которая негативно отразилась бы на торговых потоках внутри сообщества в целом. При таких обстоятельствах Австрия вправе была считать, что абсолютный запрет на проведение митинга являлся бы недопустимым вмешательством в осуществление свободы мирных собраний, а более строгие требования к месту проведения митинга и/или его продолжительности могли быть восприняты как чрезмерные ограничения. В этом отношении Суд Европейского союза отметил следующее (см. §§ 90–92 Постановления):

«90. ...Компетентные органы власти Австрии должны пытаться по мере возможности ограничивать неизбежный ущерб, который причиняет свободе передвижения митинг на трассе общего пользования, однако они обязаны соразмерять этот интерес с интересами митингующих, которые стремятся привлечь внимание общества к тому, какие цели они преследуют своими действиями.

91. Обычно подобного рода действия причиняют неудобства тем, кто не принимает в них участия, в частности в том, что касается свободы передвижения, но в принципе с этими неудобствами можно смириться, если преследуемая цель заключается главным образом в обеспечении публичного выражения мнений в разрешенной законом форме.

92. В связи с этим Австрийская Республика заявляет, и в этом отношении ее позицию никто не оспаривает, что в любом случае все альтернативные меры, которые можно было принять, были чреватy сложно контролируемой реакцией, которая

могла бы привести к значительно более серьезным нарушениям торговли внутри Сообщества и общественного порядка и принять, например, форму несанкционированных митингов, столкновений сторонников и противников группы, организующей митинг, или насильственных действий со стороны митингующих, считающих, что их ограничивают в осуществлении основных прав...».

76. Суд Европейского союза пришел к выводу (см. § 94 решения): «то, что власти государства-участника не запретили проведение митинга в таких обстоятельствах, как те, которые имели место в основном деле, не противоречит требованиям статей 30 и 34 Договора [о Европейском союзе] во взаимосвязи со статьей 5 договора».

В. РЕГЛАМЕНТ СОВЕТА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА (ЕС) № 2679/98

77. Статья 2 Регламента Совета Европейского союза (ЕС) № 2679/98 от 7 декабря 1998 г. «О функционировании внутреннего рынка в отношении свободы движения товаров между государствами-участниками» предусматривает следующее:

«Настоящий Регламент не может толковаться как каким-либо образом затрагивающий осуществление основных прав, признанных в государствах-участниках, в том числе свободы забастовки или права на нее. К таким правам могут также относиться право или свобода предпринимать иные действия, охватываемые системами особых производственных отношений в государствах-участниках».

IV. МАТЕРИАЛЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

78. Европейский Суд рассмотрел правила, касающиеся использования транспортных средств для создания помех дорожному движению в контексте массовых выступлений, в 35 государствах – членах Совета Европы: Австрии, Азербайджане, Албании, Бельгии, Боснии и Герцеговине, Болгарии, Венгрии, Германии, Греции, Грузии, Ирландии, Италии, на Кипре, в Латвии, Лихтенштейне, Люксембурге, Македонии, Молдавии, Польше, Португалии, Российской Федерации, Румынии, Сербии, Словакии, Словении, Соединенном Королевстве, Турции, на Украине, в Финляндии, во Франции, в Хорватии, Черногории, Чешской Республике, Швейцарии и Эстонии.

79. Сравнительно-правовое исследование показывает, что, хотя использование транспортных средств на массовых митингах в целом не является предметом конкретного правового регулирования в государствах-участниках, создание препятствий для движения транспорта по дорогам общего пользования с использованием транспортных средств или другими способами уголовно наказуемо в следующих 10 странах: в Азербайджане, Бельгии,

Греции, Ирландии, Италии, Португалии, Румынии, Соединенном Королевстве, Турции и Франции. В случае, если человека признают виновным, ему может быть назначено наказание в виде лишения свободы разной продолжительности (минимум три месяца в Греции, до одного года в Италии, два года в Румынии и во Франции, три года в Азербайджане и Турции, пять лет в Португалии, 10 лет в Бельгии) или штрафа (в Ирландии и Соединенном Королевстве).

80. Ряд стран устанавливают уголовно-правовые санкции, включая лишение свободы, при наличии отягчающих обстоятельств в случаях, когда создание препятствий для движения транспорта приводит к серьезным последствиям, например, к причинению ущерба имуществу, жизни и физической неприкосновенности людей (например, Венгрия, Грузия, Македония, Молдавия, Российская Федерация, Украина, Швейцария и Чешская Республика), или когда оно сопряжено с определенными предосудительными действиями, например, угрозами или насилием (Словакия и Эстония), с нарушением предусмотренных законом требований к собраниям (Кипр) или с неподчинением или сопротивлением требованиям полиции (Австрия). В Германии, в частности, существует устоявшаяся судебная практика, согласно которой перекрытие улиц транспортными средствами во время массовых выступлений считается насильственными действиями.

81. Санкции, не имеющие уголовного характера, за нарушение правил безопасности на дорогах и правил проведения массовых мероприятий предусматривают в своем законодательстве Болгария, Босния и Герцеговина, Латвия, Люксембург, Молдавия, Польша, Российская Федерация, Сербия, Словакия, Финляндия, Хорватия, Швейцария и Эстония. В этих странах подобного рода нарушения являются проступками или административными правонарушениями и наказываются штрафом.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 10 И 11 КОНВЕНЦИИ

82. Заявители жаловались на то, что привлечение к уголовной ответственности привело к нарушению их прав на свободу выражения мнения и свободу мирных собраний, которые гарантируются статьями 10 и 11 Конвенции соответственно.

В частях, имеющих отношение к настоящему делу, эти статьи Конвенции гласят следующее:

«Статья 10

1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо

вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанность и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Статья 11

1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний...

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...».

83. Власти Литвы не согласились с этим утверждением.

84. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что в своих замечаниях, поданных в Большую Палату Европейского Суда, заявители утверждали, *inter alia*, что Уполномоченный Литовской Республики, подписавшая ходатайство о передаче дела в Большую Палату Европейского Суда, не может считаться беспристрастной, так как в 2004 году она в качестве парламентского уполномоченного рассматривала жалобу фермеров, касающуюся некоторых ключевых вопросов политики в области сельского хозяйства. Однако они не сослались на положения Конвенции или Регламента Суда и не указали каких-либо конкретных фактов или обстоятельств, которые можно было бы считать несоблюдением требований правил 44А («Обязанность сотрудничать с Судом»), 44В («Невыполнение указаний Суда»), 44С («Отказ от эффективного участия в рассмотрении дел в Суде») и 44D («Недопустимые высказывания сторон») Регламента Суда или дающими иные основания сомневаться в правомерности решения коллегии из пяти судей, которая рассматривала ходатайство властей государства-ответчика. В любом случае согласно пункту 3 статьи 43 Конвенции, если, как в настоящем деле, коллегия «принимает обращение, то Большая Палата *выносит по делу* свое постановление» (курсив добавлен). В этой статье ничего не говорится о том, что решение коллегии не является окончательным и может быть обжаловано. Следовательно, Европейский Суд не видит оснований рассматривать данный вопрос.

85. Далее Европейский Суд отмечает, что в связи с одними и теми же фактами заявители ссылаются на два разных положения Конвенции: статьи 10 и 11. По мнению Европейского Суда, в обстоятельствах настоящего дела статью 10 Конвенции следует считать *lex generalis*¹ по отношению к статье 11 Конвенции, которая в данном случае является *lex specialis*² (см. Постановление Европейского Суда по делу «Эзелин против Франции» (Ezelin v. France) от 26 апреля 1991 г., § 35, Series A, № 202). Суть жалобы заявителей заключается в том, что они были привлечены к ответственности за проведение мирных собраний. Исходя из этого Европейский Суд приходит к выводу, что ее следует рассматривать только в соответствии со статьей 11 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Швабе и М.Г. против Германии» (Schwabe and M.G. v. Germany), жалобы №№ 8080/08 и 8577/08, § 101, ECHR 2011-VI (извлечения), см. также *mutatis mutandis*³ Постановление Европейского Суда по делу «Галстян против Армении» (Galstyan v. Armenia) от 15 ноября 2007 г., жалоба № 26986/03, §§ 95–96, и Постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против Российской Федерации» (Primov and Others v. Russia) от 12 июня 2014 г., жалоба № 17391/06⁴, § 91).

86. В то же время, несмотря на то, что статья 11 Конвенции играет автономную роль и имеет конкретную сферу действия, ее нужно рассматривать в контексте статьи 10 Конвенции и в тех случаях, когда целью осуществления свободы собраний является выражение личных мнений (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эзелин против Франции», § 37, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Партия свободы и демократии (ÖZDEP) против Турции» (Freedom and Democracy Party (ÖZDEP) v. Turkey), жалоба № 23885/94, § 37, ECHR 1999-VIII, Постановление Европейского Суда по делу «Фабер против Венгрии» (Fáber v. Hungary) от 24 июля 2012 г., жалоба № 40721/08⁵, § 41, и Постановление Европейского Суда по делу «Немцов против Российской Федерации» (Nemtsov v. Russia) от 31 июля 2014 г., жалоба № 1774/11⁶, § 62), а также обеспечение площадки для дискуссии в обществе и открытое выражение протеста (см. Постановление Европейского Суда

по делу «Эва Мольнар против Венгрии» (Éva Molnár v. Hungary) от 7 октября 2008 г., жалоба № 10346/05, § 42).

А. НАЛИЧИЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ МИРНЫХ СОБРАНИЙ

1. Довод сторон

(а) Заявители

87. Заявители утверждали, что привлечение их к ответственности представляло собой вмешательство в осуществление ими права на организацию мирного митинга и на участие в нем.

(b) Власти Литвы

88. При рассмотрении дела Палатой Европейского Суда власти Литвы утверждали, что по делу не было допущено вмешательства в осуществление заявителями права на свободу мирных собраний. Они отмечали, что заявителям и другим участникам было выдано разрешение на организацию мирных собраний. Они воспользовались этой свободой, и ни один из них не был за это наказан. Заявителей привлекли к ответственности не за осуществление права на свободу собраний, а за серьезное нарушение общественного порядка путем организации массовых беспорядков.

89. Тем не менее в своих доводах, представленных в Большую Палату Европейского Суда, власти Литвы указали, что они не оспаривают факт вмешательства в осуществление заявителями права на свободу мирных собраний.

2. Постановление Палаты Европейского Суда

90. Палата Европейского Суда пришла к выводу, что, хотя заявителям и разрешили осуществлять право на мирные собрания, они были привлечены к ответственности в связи со своими действиями во время митинга, не сопровождавшегося насилием, а это являлось вмешательством в осуществление ими прав, предусмотренных статьей 11 Конвенции (см. § 67 Постановления Палаты по настоящему делу).

3. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(а) Применение статьи 11 Конвенции

91. Прежде всего Европейский Суд должен определить, относятся ли обстоятельства настоящего дела к сфере действия статьи 11 Конвенции. Европейский Суд напоминает, что право на свободу собраний является основополагающим правом в

¹ *Lex generalis* (лат.) – общая правовая норма (примеч. редактора).

² *Lex specialis* (лат.) – специальная правовая норма (примеч. редактора).

³ *Mutatis mutandis* (лат.) – с соответствующими изменениями (примеч. редактора).

⁴ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 9 (примеч. редактора).

⁵ См.: там же. 2016. № 3 (примеч. редактора).

⁶ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 4 (примеч. редактора).

демократическом обществе и, как и свобода выражения мнения, является одной из основ такого общества. Следовательно, она не подлежит ограничительному толкованию (см. Постановление Европейского Суда по делу «Тараненко против Российской Федерации» (Taranenko v. Russia) от 15 мая 2014 г., жалоба № 19554/05¹, § 65). Как таковое это право распространяется на частные собрания, на собрания в общественных местах, стационарные или в виде процессии, кроме того, оно может осуществляться отдельными участниками и организаторами мероприятия (см. Постановление Европейского Суда по делу «Джавит Ан против Турции» (Djavit An v. Turkey), жалоба № 20652/92, § 56, ECHR 2003-III, Решение Европейского Суда по делу «Зилиберберг против Молдавии» (Ziliberberg v. Moldova) от 4 мая 2004 г., жалоба № 61821/00, а также Постановление Европейского Суда по делу «Баррако против Франции» (Barraco v. France) от 5 марта 2009 г., жалоба № 31684/05, § 41).

92. Статья 11 Конвенции охраняет право только на «мирные собрания». Это понятие не включает в себя демонстрации, организаторы и участники которых намерены прибегнуть к насилию (см. Постановление Европейского Суда по делу «Станков и Объединенная македонская организация «Илинден» против Болгарии» (Stankov and the United Macedonian Organization Ilinden v. Bulgaria), жалобы №№ 29221/95 и 29225/95, § 77, ECHR 2001-IX). Таким образом, гарантии, предусмотренные статьей 11 Конвенции, применяются ко всем массовым мероприятиям, кроме тех, организаторы и участники которых намерены прибегнуть к насилию, подстрекать к насилию или иным образом пренебречь основами демократического общества (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сергей Кузнецов против Российской Федерации» (Sergey Kuznetsov v. Russia) от 23 октября 2008 г., жалоба № 10877/04², § 45, Постановление Европейского Суда по делу «Алексеев против Российской Федерации» (Alekseyev v. Russia) от 21 октября 2010 г., жалобы №№ 4916/07, 25924/08 и 14599/09³, § 80, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фабер против Венгрии», § 37, Постановление Европейского Суда по делу «Гюн и другие против Турции» (Gün and Others v. Turkey) от 18 июня 2013 г., жалоба № 8029/07, § 49, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Тараненко против Российской Федерации», § 66).

93. В настоящем деле суды Литвы установили, что некоторые фермеры перекрывали трассы с

помощью транспортных средств, в частности, тракторов. Заявители этого не оспаривали. Вместе с тем эти транспортные средства не использовались для причинения телесных повреждений сотрудникам полиции или другим гражданам. Несмотря на то, что фермеры и водители грузовиков разговаривали друг с другом на повышенных тонах, более серьезных столкновений удалось избежать (см. § 28 настоящего Постановления). Далее власти Литвы не обвиняли ни заявителей, ни других фермеров в том, что они совершили или хотели совершить какие-либо конкретные насильственные действия.

94. В связи с этим небезынтересно отметить, что человек не перестает пользоваться правом на свободу мирных собраний в результате эпизодического насилия или иных наказуемых действий, совершенных другими лицами во время митинга, если его собственные намерения или поведение остаются мирными (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Зилиберберг против Молдавии»). Тот факт, что к митингу могут присоединиться лица, собирающиеся прибегнуть к насилию и не являющиеся членами ассоциации, которая его организовала, сам по себе не может лишить человека этого права (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против Российской Федерации», § 155). Даже при наличии реальной опасности того, что массовый митинг может привести к беспорядкам из-за обстоятельств, которые его организаторы не могут контролировать, пункт 1 статьи 11 Конвенции не перестает применяться, и любые касающиеся его ограничения должны соответствовать требованиям пункта 2 этой статьи Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Швабе и M.G. против Германии», § 103, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Тараненко против Российской Федерации», § 66).

95. Далее Европейский Суд отмечает, что фермерам разрешили проводить мирные собрания и демонстрировать сельскохозяйственную технику. Эти мероприятия преследовали политическую цель и были направлены на выражение политических идей, в частности, на оспаривание государственной политики и получение субсидий в сельскохозяйственном секторе.

96. С 19 по 21 мая 2003 г. митинги проводились в заранее установленных местах (см. §§ 19–20 настоящего Постановления). 21 мая 2003 г. фермеры вышли на трассы и вывели на них тракторы, перекрыв при этом три крупнейшие автомобильные дороги страны и выйдя за рамки разрешений, выданных властями Литвы.

97. Тем не менее заявителей привлекли к ответственности не за совершение насильственных действий и не за подстрекательство к ним, а за нарушение общественного порядка в результате перекры-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 9 (примеч. редактора).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 10 (примеч. редактора).

³ См.: там же. 2011. № 11 (примеч. редактора).

тия трасс. Европейский Суд также отмечает, что в настоящем деле перекрытие трасс следует считать не побочным эффектом собрания, проведенного в общественном месте, а результатом умышленных действий фермеров, которые хотели привлечь внимание к проблемам в сельском хозяйстве и заставить государство пойти навстречу своим требованиям (см. также доводы Европейского Суда в §§ 169–175 настоящего Постановления). По мнению Европейского Суда, даже если в контексте осуществления свободы собраний в современном обществе достаточно часто имеют место умышленные физические действия с целью воспрепятствовать движению транспорта и нарушить обычный ход повседневной жизни, создав серьезные препятствия для деятельности других лиц, однако они не занимают центрального места в свободе, которая охраняется статьей 11 Конвенции (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Баррако против Франции», § 39, где привлечение заявителя к ответственности за участие в операции по замедлению дорожного движения, в ходе которой на нескольких полосах трассы была выстроена движущаяся баррикада из машин, для того, чтобы замедлить движение позади идущего транспорта, было признано вмешательством в осуществление им прав, гарантированных статьей 11 Конвенции; см. также Решение Европейского Суда по делу «Лукас против Соединенного Королевства» (Lucas v. United Kingdom) от 18 марта 2003 г., жалоба № 39013/02, относительно демонстрации, участники которой перекрыли дорогу общего пользования, протестуя против сохранения в составе вооружений атомной подводной лодки, и эту демонстрацию сочли подпадающей под действие статьи 11 Конвенции; Постановление Европейского Суда по делу «Стил и другие против Соединенного Королевства» (Steel and Others v. United Kingdom) от 23 сентября 1998 г., § 92, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VII, в котором Европейский Суд пришел к выводу, что физическое воспрепятствование определенным действиям (охоте и строительству автомобильной трассы), которые не одобряли первая и вторая заявительницы соответственно, представляло собой выражение мнения по смыслу статьи 10 Конвенции; Решение Европейского Суда по делу «Дриеман и другие против Норвегии» (Drieman and Others v. Norway) от 4 мая 2000 г., жалоба № 33678/96, в котором Европейский Суд исходил из предположения, что активисты организации «Гринпис», маневрируя на шлюпках, чтобы помешать охоте на китов, могли сослаться на статьи 10 и 11 Конвенции). Эти соображения могут повлиять на оценку «необходимости» вмешательства, которую требуется проводить согласно пункту 2 статьи 11 Конвенции.

98. Тем не менее Европейский Суд не считает, что обжалуемое по делу проведение митингов, в

связи с которыми заявители были привлечены к ответственности, по своему характеру и степени тяжести выводит их участие в митинге за рамки защиты права на свободу мирных собраний, предусмотренного статьей 11 Конвенции. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что Каунасский окружной суд допустил наличие у заявителей права свободно выражать свое мнение в силу статьи 10 Конвенции (см. § 53 настоящего Постановления), и полагает, что в настоящем деле нет указаний на пренебрежение заявителями основами демократического общества.

99. Вышеизложенного достаточно для заключения Европейского Суда о том, что заявители вправе пользоваться гарантиями, предусмотренными статьей 11 Конвенции, которая, следовательно, применима в настоящем деле.

(b) Наличие вмешательства

100. Прежде всего Европейскому Суду необходимо установить, имело ли место вмешательство в осуществление заявителями права на свободу собраний. Европейский Суд напоминает, что такое вмешательство необязательно должно принимать форму абсолютного запрета юридического или фактического характера и может заключаться в других принятых властями мерах. При толковании термина «ограничения», который употребляется в пункте 2 статьи 11 Конвенции, в него следует включать как меры, принятые до или во время мероприятия, так и меры, например, карательные, принятые после того, как оно завершилось (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эзелин против Франции», § 39, Постановление Европейского Суда по делу «Каспаров и другие против Российской Федерации» (Kasparov and Others v. Russia) от 3 октября 2013 г., жалоба № 21613/07¹, § 84, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против Российской Федерации», § 93, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Немцов против Российской Федерации», § 73). Так, предварительный запрет может заставить человека отказаться от намерения участвовать в митинге, а значит, являться вмешательством, даже если впоследствии власти не препятствуют проведению митинга. Отказ разрешить человеку поездку с целью присутствовать на митинге также является вмешательством. Вмешательством являются и меры, принятые властями во время митинга, например, разгон митинга или задержание его участников, а также привлечение к ответственности за участие в митинге (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 8 (примеч. редактора).

по делу «Каспаров и другие против Российской Федерации», § 84, в приведенные в нем ссылки).

101. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле заявителям разрешили беспрепятственно осуществлять свободу мирных собраний не только в заранее определенных местах, но и тогда, когда митингующие вышли за рамки выданных разрешений и переместились на дороги общего пользования. Действительно, полиция не стала разгонять митинги даже тогда, когда митингующие перекрыли дороги. Однако впоследствии заявителей привлекли к ответственности за то, что они активно участвовали в организации и осуществлении перекрытия дорог ближе к завершению митингов. Как уже говорилось выше, их действия в этом отношении достойны осуждения, но все-таки у заявителей не было намерения прибегнуть к насилию. В этой связи Европейский Суд готов допустить, что привлечение заявителей к ответственности за участие в митингах являлось вмешательством в осуществление ими права на свободу мирных собраний. В этом отношении следует отметить, что при рассмотрении дела в Большой Палате Европейского Суда власти Литвы не оспаривали факт вмешательства (см. § 89 настоящего Постановления).

102. Подобное вмешательство является нарушением статьи 11 Конвенции, если оно не «предусмотрено законом», не преследует одну или нескольких правомерных целей, указанных в пункте 2 указанной статьи, и не является «необходимым в демократическом обществе» для достижения этой цели или целей (см. среди многих прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Веренцов против Украины» (*Vyerentsov v. Ukraine*) от 11 апреля 2013 г., жалоба № 20372/11, § 51, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Немцов против Российской Федерации», § 72).

В. БЫЛО ЛИ ВМЕШАТЕЛЬСТВО «ПРЕДУСМОТРЕНО ЗАКОНОМ»

1. Доводы сторон

(а) Заявители

103. Заявители утверждали, что их привлечение к ответственности в соответствии с частью первой статьи 283 Уголовного кодекса Литвы (см. § 62 настоящего Постановления) не было «предусмотрено законом». В частности, понятие «серьезное нарушение общественного порядка», содержащееся в этой статье, не было четко определено, а значит, отсутствовали юридические основания считать его характерной особенностью соответствующего преступления. Б.М. и А.К. настаивали, что им были вынесены обвинительные приговоры и назначено наказание не в соответствии с законом,

а за то, что они выражали свои мнения на встрече фермеров и отстаивали эти мнения на мирном митинге. Остальные трое заявителей, В.М., К.М. и А.П., утверждали, что им были вынесены обвинительные приговоры только за то, что они вывели свои тракторы на трассу и оставили их там, хотя дорога уже была перекрыта полицией и фермерами. Следовательно, их привлечение к уголовной ответственности являлось слишком суровой мерой, а их действия следовало считать административным правонарушением, предусмотренным статьями 124 или 131 Кодекса Литвы об административных нарушениях (см. § 66 постановления), как и действия фермера А.Д. (см. § 49 настоящего Постановления).

104. Далее заявители отмечали, что власти Литвы ссылаются на «массовые беспорядки», произошедшие недалеко от здания парламента (см. § 191 настоящего Постановления). Однако в том случае, в отличие от настоящего дела, митингующие прибегали к насилию, уничтожали имущество и оказывали сопротивление сотрудникам полиции, причинив им физический и моральный вред. Напротив, в намерения заявителей входило не прибегнуть к насилию и не причинить ущерб, а провести митинг, чтобы отстоять социальные и финансовые интересы фермеров Литвы.

(b) Власти Литвы

105. Власти Литвы считали, что любое возможное вмешательство в осуществление заявителями права на свободу мирных собраний было предусмотрено законом. Заявителей привлекли к ответственности в соответствии с частью первой статьи 283 Уголовного кодекса Литвы, предусматривающей наказание за серьезные нарушения общественного порядка. Ссылаясь на упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Галстян против Армении» (см. § 107 настоящего Постановления) и принимая во внимание многообразие преступлений против общественного порядка, власти Литвы считали, что соответствующая правовая норма была сформулирована достаточно четко (см. также доводы, приведенные властями Литвы в контексте статьи 7 Конвенции, в §§ 188–191 настоящего Постановления).

106. Власти Литвы также оспаривали довод заявителей о том, что их действия нужно было считать административными правонарушениями, считая его необоснованным. Теоретически заявителей можно было бы привлечь к административной ответственности по статьям 124¹ или 131 Кодекса Литвы об административных правонарушениях за вывод сельскохозяйственной техники на дороги общего пользования и оставление ее в запрещенном месте (см. § 66 настоящего Постановления). Однако действия заявителей в настоящем деле выходят за рамки предусмотрен-

ных этими статьями административных правонарушений. Во-первых, заявители действовали, находясь в толпе людей. Во-вторых, они не только вывели тракторы на проезжую часть и оставили их там, но и использовали их для того, чтобы перекрыть трассу, поставив тем самым под угрозу права других лиц и нормальную работу государственных органов. Наконец, заявители стремились достичь конкретной цели – перекрыть трассу. Следовательно, заявители хотели не просто нарушить правила стоянки транспортных средств, а совершить серьезное нарушение общественного порядка.

2. Постановление Палаты Европейского Суда

107. Палата Европейского Суда исходила из предположения о том, что вмешательство было «предусмотрено законом» по смыслу пункта 2 статьи 11 Конвенции (см. § 79 Постановления Палаты Европейского Суда по настоящему делу).

3. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(а) Общие принципы

108. Европейский Суд напоминает о своей прецедентной практике, согласно которой выражение «предусмотрено законом», используемое в статьях 8–11 Конвенции, не только требует, чтобы у обжалуемой меры были юридические основания в законодательстве страны, но и имеет отношение к качеству закона, требуя, чтобы он был доступен тем, кого он касается, и предсказуем с точки зрения последствий своего применения (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ротару против Румынии» (Rotaru v. Romania), жалоба № 28341/95, § 52, ECHR 2000-V, Постановление Европейского Суда по делу «Общество защиты животных против Швейцарии» (VgT Verein gegen Tierfabriken v. Switzerland), жалоба № 24699/94, § 52, ECHR 2001-VI, Постановление Европейского Суда по делу «Гавенда против Польши» (Gawęda v. Poland), жалоба № 26229/95, § 39, ECHR 2002-II, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маэстри против Италии» (Maestri v. Italy), жалоба № 39748/98, § 30, ECHR 2004-I, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Веренцов против Украины», § 52, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Горжелик и другие против Польши» (Gorzeliak and Others v. Poland), жалоба № 44158/98, §§ 64–65, ECHR 2004-I, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Профсоюз “Добрый пастырь” против Румынии» (Sindicatul «Păstorul cel Bun» v. Romania), жалоба № 2330/09, § 153, ECHR 2013 (извлечения)).

109. В частности, норму нельзя считать «законом», если она не сформулирована достаточно четко, чтобы гражданин мог, в случае необходимости обратившись за консультацией к опытному юристу, предвидеть в разумной в обстоятельствах дела степени возможные последствия того или иного действия (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Джавит Ан против Турции», § 65). Однако опыт показывает, что достичь абсолютной точности в формулировках законов, особенно в тех областях, где ситуация меняется в зависимости от преобладающих в обществе взглядов, невозможно (см. среди прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эзелин против Франции», § 45). В частности, последствия того или иного действия не обязательно должны быть предсказуемы с абсолютной определенностью: опыт показывает, что это недостижимо. Опять же, хотя определенность здесь весьма желательна, она может повлечь за собой чрезмерную жесткость, тогда как право не должно отставать от меняющихся обстоятельств. Соответственно, во многих законах неизбежно используются в большей или меньшей степени расплывчатые формулировки, толкование и применение которых зависит от практики (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Газета “Санди Таймс” против Соединенного Королевства (№ 1)» (Sunday Times v. United Kingdom) (№ 1) от 26 апреля 1979 г., § 49, Series A, № 30, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Реквенйи против Венгрии» (Rekvényi v. Hungary), жалоба № 25390/94, § 34, ECHR 1999-III, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Зилиберберг против Молдавии», упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Галстян против Армении», § 106, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против Российской Федерации», § 125).

110. Возложенная на внутригосударственные суды задача по разрешению споров заключается именно в том, чтобы рассеивать сомнения, которые могут остаться в области толкования правовых норм; таким образом, право Европейского Суда контролировать соблюдение законодательства страны не безгранично, так как вопросы применения и толкования законодательства страны относятся в первую очередь к компетенции властей соответствующей страны, в особенности судов (см. Постановление Европейского Суда по делу «Круслен против Франции» (Kruslin v. France) от 24 апреля 1990 г., § 29, Series A, № 176-A, Постановление Европейского Суда по делу «Копп против Швейцарии» (Kopp v. Switzerland) от 25 марта 1998 г., § 59, Reports 1998-II, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Общество защиты животных против

Швейцарии», § 52, Постановление Европейского Суда по делу «Мкртчян против Армении» (Mkrtchyan v. Armenia) от 11 января 2007 г., жалоба № 6562/03, § 43, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Веренцов против Украины», § 54). Кроме того, уровень точности, который требуется от внутригосударственного законодательства страны, а оно не может предусматривать все возможные варианты, в значительной степени зависит от содержания нормативно-правового акта, о котором идет речь, предполагаемой сферы его применения, а также от количества и статуса лиц, которым он адресован (см. Постановление Европейского Суда по делу «Фогт против Германии» (Vogt v. Germany) от 26 сентября 1995 г., § 48, Series A, № 323, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Реквенъи против Венгрии», § 34).

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

111. В настоящем деле привлечение заявителей к ответственности имело юридические основания в законодательстве Литвы, а именно в части первой статьи 283 Уголовного кодекса Литвы, предусматривающей наказание за массовые беспорядки (см. § 62 настоящего Постановления). Положения Уголовного кодекса Литвы были доступны, поэтому остается определить, являлось ли применение данной нормы предсказуемым.

112. Часть первая статьи 283 Уголовного кодекса Литвы предусматривает, что лишением свободы на срок до пяти лет наказываются «тот, кто организовал либо спровоцировал скопление людей на массовые беспорядки, сопровождавшиеся открытым насилием, уничтожением имущества или иными грубыми нарушениями общественного порядка, а также тот, кто во время массовых беспорядков применял насилие, уничтожал имущество либо грубо нарушал общественный порядок иным способом». Власти Литвы не обвиняли заявителей в применении насилия или уничтожении имущества. Вместе с тем они утверждали, что заявители «грубо нарушили общественный порядок иным способом». В частности, на основании видеозаписей, документальных доказательств и свидетельских показаний апилинковый суд пришел к выводу, что А.К. и Б.М. умышленно организовали протесты и координировали действия фермеров с целью перекрыть дороги (см. §§ 43 и 44 настоящего Постановления), а остальные заявители, В.М., К.М. и А.П., вывели на трассу тракторы и оставили их там, отказавшись подчиниться законным требованиям полиции и прекратить это делать (см. § 46 настоящего Постановления). Данные выводы подтвердил Каунасский окружной суд, который уточнил, что А.К. и Б.М. были

предупреждены о том, что они будут привлечены к ответственности как организаторы, и понимали незаконность своих действий (см. § 51 настоящего Постановления). Наконец, Верховный суд Литвы пояснил, в чем заключается суть преступления, наказание за которое предусмотрено частью первой статьи 283 Уголовного кодекса, указав, *inter alia*, что массовыми беспорядками является ситуация, когда группа людей умышленно совершает серьезное нарушение общественного порядка, и что подобное нарушение может совершаться путем перекрытия трасс, остановки движения транспорта и нарушения работы Государственной пограничной службы Литвы (см. §§ 56 и 57 настоящего Постановления).

113. Европейский Суд признает, что понятие «нарушение общественного порядка», которое используется в части первой статьи 283 Уголовного кодекса Литвы, по своей природе является несколько неопределенным. Однако с учетом того, что потенциально существует бесконечное множество способов нарушить повседневную жизнь, было бы нереалистичным ожидать, что законодатель в той или иной стране предусмотрит исчерпывающий перечень незаконных средств достижения запрещенной цели. Учитывая изложенное, Европейский Суд полагает, что формулировка части первой статьи 283 удовлетворяет требованиям к качеству закона, вытекающим из его прецедентной практики.

114. Кроме того, Европейский Суд считает, что толкование этого положения, которое дали суды Литвы в настоящем деле, не было ни произвольным, ни непредсказуемым, а заявители могли в разумной при обстоятельствах дела степени предвидеть, что их вышеописанные действия, повлекшие за собой перекрытие дорог на длительный срок с последующим нарушением обычной жизни, движения транспорта и экономической деятельности, могли рассматриваться как «серьезное нарушение общественного порядка», подпадающее под действие части первой статьи 283 Уголовного кодекса Литвы.

115. Данный вывод не меняется из-за того, что статья 283 Уголовного кодекса Литвы, опубликованного 25 октября 2000 г., была впервые применена именно в деле заявителей. Действительно Уголовный кодекс Литвы вступил в силу 1 мая 2003 г. (см. § 62 настоящего Постановления), вменяемые в вину заявителям действия были совершены 21–23 мая 2003 г., а любая правовая норма когда-нибудь применяется в первый раз (см. *mutatis mutandis* относительно статьи 7 Конвенции Постановление Европейского Суда по делу «Хухтамяки против Финляндии» (Huhtamäki v. Finland) от 6 марта 2012 г., жалоба № 54468/09, § 51, и ссылки в нем).

116. В этих обстоятельствах заявителям нужно было четко понимать, что за неподчинение закон-

ным требованиям сотрудников полиции они могли быть привлечены к ответственности.

117. Вместе с тем Европейский Суд отмечает, что в разрешениях на проведение мирных собраний содержалось предупреждение о возможной ответственности организаторов согласно Кодексу Литвы об административных правонарушениях и Уголовному кодексу Литвы, в том числе в соответствии со статьей 283 Уголовного кодекса Литвы (см. §§ 15–17 настоящего Постановления). Кроме того, необходимо отметить, что сотрудники полиции прямо просили митингующих перестать блокировать движение транспорта.

118. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд приходит к выводу, что обжалуемое вмешательство было «предусмотрено законом» по смыслу пункта 2 статьи 11 Конвенции.

С. ПРЕСЛЕДОВАЛО ЛИ ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПРАВОМЕРНУЮ ЦЕЛЬ, И БЫЛО ЛИ ОНО «НЕОБХОДИМО В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ»

1. Доводы сторон

(а) Заявители

119. Заявители утверждали, что допущенные государством непрерывные и умышленные задержки в регулировании цен на молоко, зерно и мясо и его отказ реализовать решение Парламента Литвы от 22 апреля 2003 г. о выделении средств сельскохозяйственному сектору (см. § 13 настоящего Постановления) поставили фермеров, особенно мелких, в критическое положение, так как они не могли компенсировать свои производственные расходы, несли убытки, а иногда были вынуждены продавать домашний скот. Бездействие государства и его одностороннее решение прекратить переговоры с фермерами довели сельские районы до обнищания. По мнению заявителей, с учетом этих обстоятельств в действиях, за которые их привлекли к ответственности, отсутствовали элементы объективной и субъективной стороны состава преступления.

120. Заявители настаивали, что их решение перекрыть дороги было крайним средством защиты их интересов как фермеров. Эта форма выступлений допустима в Европе в ситуациях, когда отсутствуют другие средства защитить права митингующих. При таких обстоятельствах право на свободу мирных собраний должно перевешивать возникшие в результате минимальные нарушения свободы движения товаров. В связи с этим заявители отмечали, что в Регламенте Совета Европейского союза № 2679/98 (см. § 77 настоящего Постановления) перекрытие дорог признается разновидностью забастовки.

121. Согласно указанному регламенту до того, как 21 мая 2003 г. фермеры начали перекрывать дороги, властям Литвы уже было известно об их намерении провести митинг. Зная о том, что фермеры могут перекрыть дороги, полиция разработала планы действий и альтернативные маршруты в тех районах, где проходил митинг, уменьшив тем самым возможные перебои в поставке товаров. Фермеры сами установили меры, которые были полностью реализованы, с целью обеспечить перенаправление движения транспорта по второстепенным дорогам. По словам заявителей, в те дни, о которых идет речь, дорожное движение осуществлялось «даже лучше, чем обычно». Это подтверждается «данными с постов, расположенных там, где были перекрыты дороги». Довод властей Литвы о том, что безопасности общества мог быть причинен еще более серьезный ущерб (см. § 189 настоящего Постановления), является не более чем предположением.

122. Кроме того, заявители считали, что митинги были мирными и не сопровождалась какими-либо происшествиями: общественный порядок не нарушался, имущество, принадлежащее другим лицам, не уничтожалось, а ущерб здоровью людей не причинялся. Напротив, перекрытие дорог являлось символическим жестом, направленным на привлечение внимания властей. Б.М. и А.К., пользующиеся у фермеров уважением, поддерживали порядок в рядах митингующих. Кроме того, в то время, когда дороги были перекрыты, избранные представители фермеров все еще вели переговоры с властями, чтобы достичь компромисса по ценам на молоко. Фермеры действовали спокойно и не предпринимали действий, которые потребовали бы вмешательства специальных подразделений полиции или вооруженных сил для сдерживания митингующих. В их намерения входило не нарушать общественный порядок, а провести мирный митинг, требуя социальной справедливости. Суд удовлетворил только один гражданский иск о возмещении ущерба на сумму 1 100 литов (около 290 евро) (см. § 45 настоящего Постановления). Эта сумма пренебрежимо мала по сравнению с тем, что имело значение для фермеров.

123. Заявители утверждали, что перекрытие дорог позволило фермерам добиться частичного удовлетворения своих требований: закупочные цены на молоко и компенсационные выплаты были повышены. Митинг был прекращен, как только власти согласились выдать субсидии.

124. Заявители полагали, что их уголовное преследование было явно несоразмерной и бесполезной мерой. Свобода их передвижения была ограничена в 2003 году, когда четверым из них, находящимся в статусе подозреваемых, предписали не покидать место жительства (см. § 33 настоящего Постановления). Позднее эти меры были отменены. Впоследствии Каунасский окружной суд назна-

чил заявителям наказание в виде ареста. Несмотря на то, что заявителям были назначены наказания с отсрочкой исполнения, они не могли покидать место жительства без разрешения властей в течение одного года, то есть до окончания срока, на который исполнение наказаний было отложено (см. § 47 настоящего Постановления).

125. Далее заявители выразили сомнение в том, что постановления и решения Европейского Суда, на которые ссылались власти Литвы, имеют отношение к настоящему делу. Они отмечали, в частности, что в упоминавшемся выше деле «Эва Мольнар против Венгрии» речь шла о несанкционированном митинге, о котором не предупредили полицию и который закончился насильственными действиями, воспрепятствованием движению транспорта и нарушением общественного порядка. Аналогичным образом, митинг не был санкционирован и в упомянутом выше деле «Баррако против Франции», где дороги были перекрыты внезапно и неожиданно и где заявителя прежде, чем предъявить ему обвинение, несколько раз просили уйти с трассы. В отношении решений Суда Европейского союза заявители пояснили, что в упоминавшемся выше деле «Шмидбергер против Австрии» митинг проходил в течение двух дней на важной автомобильной трассе, по которой не могли пройти большегрузные автомобили, а полиция предположительно не принимала мер по обеспечению свободы передвижения товаров; в упоминавшемся выше деле «Комиссия против Франции» митингующие применяли насилие к водителям грузовиков, перевозящих сельскохозяйственную продукцию из-за рубежа. В настоящем же деле, напротив, поводом для перекрытия дорог стали критическая экономическая ситуация в стране и бездействие властей.

126. Наконец, заявители считали, что власти государства-ответчика преувеличили последствия действий митингующих, опираясь на гипотетические предположения, и предоставили недостаточно доказательств в подкрепление своих выводов. В действительности суды Литвы не принимали во внимание то, что на проведение собраний были выданы разрешения и что, когда фермеры спонтанно вышли на трассы, заявители координировали свои действия с полицией, стремясь поддерживать общественный порядок, а не нарушать его.

(b) Власти Литвы

127. Власти Литвы утверждали, что вмешательство преследовало правомерные цели, которые заключались в «предотвращении беспорядков» и «защите прав и свобод других лиц». Кроме того, назначенные наказания были направлены не только на предотвращение совершения новых преступлений, но и на обеспечение соблюдения законов вообще.

128. Что касается принципа соразмерности, власти государства-ответчика отмечали, что в 2003 году ситуация в молочном секторе Литвы ухудшилась, закупочные цены на молоко снизились, и это вызвало возрастающее беспокойство фермеров. Они потребовали повысить закупочные цены на молоко и организовывали различные акции. По результатам переговоров властей с фермерами и переработчиками молока государство в марте – июне 2003 года приняло ряд решений о предоставлении производителям молока субсидий на сумму 52 000 000 литов (около 15 067 000 евро). Государство организовало и провело встречи с представителями фермеров и активно искало возможные пути решения проблемы, предполагающие регулирование производства молока и молочного рынка. Несмотря на эти усилия, заявители перекрыли дороги, нарушив тем самым права своих сограждан.

129. По мнению властей Литвы, привлечение заявителей к ответственности за организацию массовых беспорядков и участие в них имело под собой уместные и достаточные основания. Были надлежащим образом приняты во внимание призывы заявителей перекрыть дороги и не подчиняться законным требованиям сотрудников полиции. У заявителей имелись все возможности в течение нескольких дней беспрепятственно осуществлять свободу мирных собраний и привлечь к проблемам фермеров внимание властей и общества в целом. Однако впоследствии они своими действиями нарушили закон, совершив серьезное нарушение общественного порядка, причинив вред другим лицам, воспрепятствовав работе государственных органов и создав реальную опасность причинения еще большего вреда. Заявителей привлекли к ответственности за фактически совершенные ими незаконные действия, которые не просто привели к временному прекращению движения транспорта, но и вызвали общий хаос в стране. В этом отношении можно провести различие между настоящим делом и упоминавшемся выше делом «Эзелин против Франции».

130. В связи с этим власти Литвы считали, что блокирование трех основных автомобильных трасс, связывающих страны Европейского союза с их торговыми партнерами на востоке, вышло за рамки «неизбежных перебоев в движении транспорта» (см. в качестве примера противоположной ситуации и *a fortiori*¹ упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против Российской Федерации», в котором речь шла о перекрытии основной дороги, связывающей несколько аулов) и вызвало активную реакцию в гражданском обществе и средствах массовой информации.

¹ *A fortiori* (лат.) – с тем большим основанием (примеч. редактора).

131. Власти Литвы утверждали, что заявителей привлекли к ответственности не за участие в акциях протеста, а за конкретные уголовно наказуемые действия, совершенные во время митингов, которые ограничили общественную жизнь в большей степени, чем это обычно должно происходить при осуществлении свободы мирных собраний. Перекрытие дорог не являлось мгновенной и спонтанной реакцией на какое-либо внезапно произошедшее событие, когда обязанность предварительно уведомлять о своих действиях отходит на второй план. Следовательно, выбранный заявителями способ осуществления прав, предусмотренных статьями 11 Конвенции, указывал на явное неуважение ими своих сограждан.

132. Власти Литвы отмечали, что заявители получили лишь самое мягкое из возможных наказаний, предусмотренных частью первой статьи 283 Уголовного кодекса Литвы, краткосрочный арест. Кроме того, в данном случае наказание имело главным образом моральное значение, так как его исполнение было приостановлено на один год (см. § 47 настоящего Постановления). Следовательно, оно не повлекло за собой запретов, даже временных, в силу которых заявители не смогли бы продолжать свою профессиональную и политическую деятельность. Через год после вынесения обвинительных приговоров Верховный суд Литвы отменил назначенные заявителям наказания по окончании срока, на который было отложено их исполнение (см. § 60 настоящего Постановления). После отмены наказания заявители уже не считались имеющими судимость. Обязательство не покидать места жительства без разрешения на срок более семи дней (см. § 47 настоящего Постановления) было простой формальностью и не создало существенных неудобств для заявителей в повседневной жизни.

133. Власти Литвы полагали, что Европейскому Суду не следует отступать от прецедента, созданного упоминавшимся выше делом «Баррако против Франции», где не было установлено нарушения Конвенции, а операция по замедлению дорожного движения проводилась в течение всего пяти часов на одной-единственной дороге. Кроме того, они отмечали, что власти оказались не в состоянии принять профилактические меры, чтобы по мере возможности ограничить последствия перебоев в движении транспорта. То, что за несколько дней до митинга полиция Клайпедского уезда случайно узнала о намерении митингующих перекрыть дороги, нельзя считать «надлежащим уведомлением», которое позволило бы властям принять соответствующие меры. Кроме того, полиция Мариямпольского уезда и Пасвальского района оставалась в неведении относительно этого намерения.

134. Далее власти Литвы ссылались на Решения Суда Европейского союза, который в упоминавшемся выше деле «Шмидбергер против Австрии» подтвердил, что государство обязано обеспечить доступ к основным автомагистралям с целью

гарантировать свободу передвижения товаров внутри Европейского союза. Действительно, в деле «Шмидбергер против Австрии» Суд Европейского союза пришел к выводу, что, разрешив проведение митинга, власти Австрии не нарушили своих обязательств согласно договору. Однако можно сказать, что дело «Шмидбергер против Австрии» отличается от настоящего дела с точки зрения времени проведения митинга (банковский выходной и конец недели, а не обычные рабочие дни), места его проведения (была перекрыта только одна трасса) и наличия предварительного публичного предупреждения властей о перекрытии дорог (за 30 дней). Кроме того, в упоминавшемся выше Решении по делу «Комиссия против Франции» Суд Европейского союза заключил, что, не запретив частным лицам проводить акции, направленные на воспрепятствование свободе торговли, государство-ответчик не выполнило своих обязательств.

135. Кроме того, как отмечали власти Литвы, на момент проведения митингов Литва была кандидатом в члены Европейского союза и, подписав Соглашение об ассоциации с Европейским союзом, обязалась доказать, что она в состоянии соблюдать стандарты и нормы Европейского союза на политическом, юридическом и техническом уровнях. Перекрытие трех основных автомобильных дорог страны международного значения вполне могло являться ограничением свободы передвижения товаров, а значит, нарушением права Европейского союза, за которое Литва могла быть привлечена к ответственности.

136. Наконец, власти Литвы ссылались на принцип 3.5 Руководящих принципов по свободе мирных собраний (второе издание), подготовленных Советом экспертов по свободе собраний Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) по согласованию с Европейской комиссией за демократию через право (Венецианской комиссией) Совета Европы. Данный принцип гласит: «Публичные собрания проводятся с целью довести информацию до сведения конкретного лица, группы или организации, которым она адресована. Следовательно, по общему правилу, нужно способствовать проведению собраний в пределах «видимости и слышимости» их целевой аудитории». В настоящем деле митингующие уже привлекли к себе внимание соответствующих государственных органов, начался непрерывный диалог между ними и фермерами, были приняты решения в их пользу, а Министерство сельского хозяйства Литвы стало постоянно анализировать ситуацию в молочном секторе. В этих обстоятельствах такие крайние меры, как перекрытие трасс, к которым прибегли митингующие, являлись чрезвычайными и едва ли могли быть оправданными.

137. С учетом вышеизложенного власти Литвы считали, что вмешательство в осуществление

заявителями прав, предусмотренных статьей 11 Конвенции, было соразмерно преследуемым правомерным целям, а власти государства-ответчика не вышли за рамки допустимого усмотрения.

2. Постановление Палаты Европейского Суда

138. Палата Европейского Суда пришла к выводу (см. §§ 79–84 Постановления Палаты): даже если предположить, что вмешательство, о котором идет речь, преследовало правомерные цели, которые заключались в «предотвращении беспорядков» и «защите прав и свобод других лиц», оно не было соразмерным по следующим причинам:

(а) фермерам были выданы разрешения на проведение мирных собраний в заранее выбранных для этого местах. Действительно, они серьезно помешали движению транспорта по трем основным дорогам, но любой митинг в общественном месте неизбежно в определенной степени нарушает обычную жизнь, поэтому нужно было ожидать, что власти отнесутся к этому терпимо;

(b) иск о возмещении ущерба подала к фермерам только одна компания-грузоперевозчик, и по одной дороге митингующие пропускали некоторые грузовики, в том числе груженные товарами, и легковые автомобили;

(с) во время митингов не прекращались переговоры между фермерами и властями, заявители проявили гибкость и продемонстрировали готовность сотрудничать с другими участниками дорожного движения, и «явно отсутствовал» элемент насилия;

(d) суды Литвы рассматривали дело в контексте «массовых беспорядков» и поэтому не смогли как следует изучить вопрос о соразмерности;

(е) еще одного фермера (А.Д.), который на том же митинге воспрепятствовал движению транспорта, обвинили только в совершении административного правонарушения в области дорожного движения и назначили ему штраф в размере около 12 евро, напротив, «пятеро заявителей должны были пройти испытание уголовной ответственностью и по приговору суда получили наказание в виде ареста». Несмотря на то, что исполнение этого наказания было отсрочено, заявители целый год не могли покидать места жительства более чем на семь дней без предварительного согласия властей.

139. Принимая во внимание изложенное, Палата Европейского Суда пришла к выводу, что по делу было допущено нарушение статьи 11 Конвенции.

3. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(а) Преследовало ли вмешательство правомерную цель

140. Европейский Суд полагает, что привлечение заявителей к ответственности преследовало

правомерные цели, которые заключались в «предотвращении беспорядков» (см. *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Зилиберберг против Молдавии», упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Галстян против Армении», § 110, Решение Европейского Суда по делу «Скиба против Польши» (*Skiba v. Poland*) от 7 июля 2009 г., жалоба № 10659/03, Решение Европейского Суда по делу «Раи и Эванс против Соединенного Королевства» (*Rai and Evans v. United Kingdom*) от 17 ноября 2009 г., жалобы №№ 26258/07 и 26255/07, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гюн и другие против Турции», § 59) и в «защите прав и свобод других лиц» (а именно права на свободное и беспрепятственное передвижение по дорогам общего пользования, см. *mutatis mutandis* Постановление Европейского Суда по делу «Ойя Атаман против Турции» (*Oya Ataman v. Turkey*), жалоба № 74552/01, § 32, *ECtHR* 2006-XIII, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Баррако против Франции», § 40).

141. Остается выяснить, было ли обжалуемое по делу вмешательство «необходимо в демократическом обществе» для достижения этих целей.

(b) Было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе»

(i) Принципы, установленные в прецедентной практике Европейского Суда

(а) Общие принципы

142. Из права на свободу собраний, представляющего собой одну из основ демократического общества, есть множество исключений, которые, однако, подлежат ограничительному толкованию, а необходимость любых ограничений этой свободы должна быть убедительно установлена. При рассмотрении вопроса о том, можно ли считать ограничения гарантированных Конвенцией прав и свобод «необходимыми в демократическом обществе», государства-участники пользуются определенными пределами усмотрения, которые не являются неограниченными (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Баррако против Франции», § 42). В любом случае окончательное решение по поводу того, соответствует ли ограничение требованиям Конвенции или нет, должен принимать Европейский Суд, производя оценку обстоятельств конкретного дела (см. Решение Европейского Суда по делу «Руфи Османи и другие против Македонии» (*Rufi Osmani and Others v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба № 50841/99, *ECtHR* 2001-X, а также упоми-

навшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Галстян против Армении», § 114).

143. Когда Европейский Суд осуществляет свои контрольные функции, его задача заключается не в том, чтобы подменить позицию соответствующих внутригосударственных органов власти своей собственной точкой зрения, а в том, чтобы проверить принятые ими решения на предмет соответствия требованиям статьи 11 Конвенции. Это не означает, что он должен ограничиваться проверкой того, действительно ли государство-ответчик соблюдало пределы усмотрения обоснованно, осмотрительно и добросовестно. Европейский Суд должен рассмотреть обжалуемое вмешательство в контексте всего дела в целом и, установив, что оно преследовало «правомерную цель», определить, отвечало ли оно «настоятельной общественной потребности» и, в частности, было ли оно соразмерно этой цели и являются ли причины, на которые ссылаются власти государства-ответчика в оправдание вмешательства, «уместными и достаточными» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Костер против Соединенного Королевства» (*Coster v. United Kingdom*) от 18 января 2001 г., жалоба № 24876/94, § 104, Постановление Европейского Суда по делу «Ашугян против Армении» (*Ashughyan v. Armenia*) от 17 июля 2008 г., жалоба № 33268/03, § 89, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S. и Мапер против Соединенного Королевства» (*S. and Marper v. United Kingdom*), жалобы №№ 30562/04 и 30566/04, § 101, *ECHR* 2008, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Баррако против Франции», § 42, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Каспаров и другие против Российской Федерации», § 86). При этом Европейский Суд должен удостовериться, что власти государства-ответчика применяли стандарты, соответствующие принципам, закрепленным в статье 11 Конвенции, и, кроме того, что в основе их решений лежала допустимая оценка соответствующих обстоятельств дела (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Раи и Эванс против Соединенного Королевства», а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гюн и другие против Турции», § 75, см. также Постановление Европейского Суда по делу «Объединенная коммунистическая партия Турции и другие против Турции» (*United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey*) от 30 января 1998 г., § 47, *Reports* 1998-I, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гергер против Турции» (*Gerger v. Turkey*) от 8 июля 1999 г., жалоба № 24919/94, § 46).

144. Принцип соразмерности требует соблюдать равновесие между требованиями целей, перечисленных в пункте 2 статьи 11 Конвенции, с одной

стороны, и требованиями свободного выражения мнений лицами, собравшимися на улице или в других общественных местах, словами, жестами или даже молчанием, с другой стороны (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Руфи Османи и другие против Македонии», упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Скиба против Польши», упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фабер против Венгрии», § 41, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Тараненко против Российской Федерации», § 65).

145. Под защиту свободы собраний, закрепленной в статье 11 Конвенции, попадают и митинги, способные вызвать раздражение или оскорбить противников идей или требований, которые хотят отстоять митингующие (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Станков и Объединенная македонская организация “Илинден” против Болгарии», § 86). За исключением случаев подстрекательства к насилию или пренебрежения демократическими принципами, меры, являющиеся вмешательством в осуществление свободы собраний и выражения мнения, какими бы шокирующими и недопустимыми ни казались властям некоторые мнения или слова, оказывают плохую услугу демократии, а часто даже ставят ее под угрозу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гюнери и другие против Турции» (*Güneri and Others v. Turkey*) от 12 июля 2005 г., жалобы №№ 42853/98, 43609/98 и 44291/98, § 76, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сергей Кузнецов против Российской Федерации», § 45, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Алексеев против Российской Федерации», § 80, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фабер против Венгрии», § 37, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гюн и другие против Турции», § 70, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Тараненко против Российской Федерации», § 67).

146. При определении соразмерности вмешательства преследуемой цели следует также принимать во внимание характер и суровость назначенного наказания (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ёзтюрк против Турции» (*Öztürk v. Turkey*), жалоба № 22479/93, § 70, *ECHR* 1999-VI, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Руфи Османи и другие против Македонии», а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гюн и другие против Турции», § 82). Когда к митингующим применяются санкции уголовно-правового характера, это требует особого обоснования (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Раи и Эванс против Соединенного

Королевства»). В связи с проведением мирного митинга в принципе не допускается угроза применения уголовно-правовых санкций (см. Постановление Европейского Суда по делу «Актёль и Гель против Турции» (*Akgöl and Göl v. Turkey*) от 17 мая 2011 г., жалобы №№ 28495/06 и 28516/06, § 43) и, в частности, лишения свободы (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гюн и другие против Турции», § 83). Таким образом, Европейский Суд должен особенно внимательно рассматривать дела, в которых внутригосударственные власти применили санкции в виде лишения свободы за действия, не связанные с применением силы (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Тараненко против Российской Федерации», § 87).

(β) Требование предварительно получить разрешение

147. В принципе духу статьи 11 Конвенции не противоречит, если по соображениям общественного порядка и национальной безопасности Договаривающаяся Сторона требует получать разрешение на проведение собраний (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ойя Атаман против Турции», § 37, Постановление Европейского Суда по делу «Букта и другие против Венгрии» (*Bukta and Others v. Hungary*), жалоба № 25691/04, § 35, *ECtHR* 2007-III, Постановление Европейского Суда по делу «Балчик и другие против Турции» (*Balçık and Others v. Turkey*) от 29 ноября 2007 г., жалоба № 25/02, § 49, Постановление Европейского Суда по делу «Нуреттин Альдемир и другие против Турции» (*Nurettin Aldemir and Others v. Turkey*) от 18 декабря 2007 г., жалобы №№ 32124/02, 32126/02, 32129/02, 32132/02, 32133/02, 32137/02 и 32138/02, § 42, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эва Мольнар против Венгрии», § 35, Постановление Европейского Суда по делу «Каратеpe и другие против Турции» (*Karatepe and Others v. Turkey*) от 7 апреля 2009 г., жалобы №№ 33112/04, 36110/04, 40190/04, 41469/04 и 41471/04, § 46, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Скиба против Польши», Постановление Европейского Суда по делу «Челик против Турции» (№ 3)» (*Çelik v. Turkey*) (№ 3) от 15 ноября 2012 г., жалоба № 36487/07, § 90, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гюн и другие против Турции», §§ 73 и 80). Действительно, ранее Европейский Суд приходил к выводу, что необходимость уведомлять о массовом мероприятии и даже проходить процедуры по выдаче разрешения на его проведение обычно не посягает на суть права, предусмотренного статьей 11 Конвенции, если цель этих процедур заключается в том, чтобы предоставить властям

возможность принять разумные и надлежащие меры по обеспечению благополучного проведения какого-либо собрания, встречи или иного мероприятия (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сергей Кузнецов против Российской Федерации», § 42, а также упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Раи и Эванс против Соединенного Королевства»). Организаторы массовых мероприятий обязаны следовать правилам, регулирующим данный процесс, соблюдая действующее законодательство (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против Российской Федерации», § 117).

148. Предварительное уведомление направлено не только на то, чтобы сопоставить право на собрания с правами и законными интересами других лиц (в том числе с их правом на свободу передвижения), но и на предотвращение беспорядков и преступлений. С целью установить равновесие между этими противоречащими друг другу интересами государства-участники, как правило, предусматривают предварительные административные процедуры, когда готовится массовое выступление (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эва Мольнар против Венгрии», § 37, а также Постановление Европейского Суда по делу «Берладир и другие против Российской Федерации» (*Berladir and Others v. Russia*) от 10 июля 2012 г., жалоба № 34202/06¹, § 42). Однако подобного рода процедуры не должны являться скрытым препятствием при осуществлении охраняемой Конвенцией свободы мирных собраний (см. Постановление Европейского Суда по делу «Самют Карабулут против Турции» (*Samüt Karabulut v. Turkey*) от 27 января 2009 г., жалоба № 16999/04, § 35, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Берладир и другие против Российской Федерации», § 39).

149. Поскольку государства вправе выдвигать требование получать разрешение, у них должна быть возможность налагать санкции на участников митингов, которые этого требования не соблюдают (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Зилиберберг против Молдавии», упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Раи и Эванс против Соединенного Королевства», упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Берладир и другие против Российской Федерации», § 41, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против Российской Федерации», § 118). В то же время свобода принимать участие в мирных собраниях настолько важна, что человеку нельзя назначать наказание, даже если оно нахо-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 6 (примеч. редактора).

дится на нижней границе диапазона дисциплинарных санкций, за участие в митинге, который не был запрещен, если он сам не совершил при этом каких-либо предосудительных действий (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эзелин против Франции», § 53, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Галстян против Армении», § 115, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Баррако против Франции», § 44). Это справедливо и в тех случаях, когда из-за митинга причиняется ущерб или происходит какое-то иное нарушение общественного порядка (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Тараненко против Российской Федерации», § 88).

150. Такая противозаконная ситуация, как организация митинга без предварительного разрешения, необязательно оправдывает вмешательство в осуществление человеком права на свободу собраний (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сисс против Франции» (*Cisse v. France*), жалоба № 51346/99, § 50, *ECHR* 2002-III, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ойя Атаман против Турции», § 39, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Баррако против Франции», § 45, а также упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Скиба против Польши»). Правила проведения публичных собраний, например, требование предварительно о них уведомлять, крайне важны для благополучного проведения массовых митингов, поскольку они позволяют властям свести к минимуму перебои в движении транспорта и принять иные меры по обеспечению безопасности, однако необходимо, чтобы их реализация не становилась самоцелью (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против Российской Федерации», § 118). В частности, в тех случаях, когда митингующие не прибегают к насилию, властям государства важно проявить определенную степень терпимости к мирным выступлениям, если только свобода собраний, которую гарантирует статья 11 Конвенции, не лишится при этом всякого смысла (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ойя Атаман против Турции», § 42, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Букта и другие против Венгрии», § 37, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Нуреттин Альдемир и другие против Турции», § 46, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ашугян против Армении», § 90, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эва Мольнар против Венгрии», § 36, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Баррако против Франции», § 43, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу

«Берладир и другие против Российской Федерации», § 38, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фабер против Венгрии», § 47, Постановление Европейского Суда по делу «Изджи против Турции» (*Izci v. Turkey*) от 23 июля 2013 г., жалоба № 42606/05, § 89, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Каспаров и другие против Российской Федерации», § 91).

151. Если на проведение мероприятия не было получено предварительного разрешения, а значит, оно является «незаконным», это не развязывает властям руки, они по-прежнему ограничены требованием соразмерности, содержащимся в статье 11 Конвенции. Прежде всего следует установить, почему на проведение митинга не было выдано разрешения, о каком общественном интересе идет речь, и с какими угрозами связано проведение митинга. Методы, используемые полицией для сдерживания митингующих, удержание их на одном месте или разгон митинга также являются важными факторами при определении соразмерности вмешательства (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против Российской Федерации», § 119). Так, был сделан вывод, что использование полицией баллончиков с перцовым газом для разгона несанкционированной демонстрации является несоразмерным, хотя Европейский Суд и признал, что демонстрация могла вызвать перебои в движении транспорта (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ойя Атаман против Турции», §§ 38–44).

152. В деле «Букта и другие против Венгрии» (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Букта и другие против Венгрии», §§ 35 и 36) Европейский Суд постановил, что при особых обстоятельствах, когда спонтанное выступление, например, в ответ на какое-то политическое событие, может быть оправдано и когда оно не сопряжено с незаконными действиями его участников, разгон этого выступления исключительно из-за несоблюдения требования предварительно уведомить о его проведении может представлять собой несоразмерное ограничение свободы мирных собраний.

153. Кроме того, Европейский Суд пояснил, что принцип, установленный в деле «Букта и другие против Венгрии», нельзя понимать настолько широко, что отсутствие предварительного уведомления о спонтанной демонстрации ни при каких обстоятельствах не может служить законным основанием для ее разгона. Право на проведение спонтанных демонстраций может перевешивать обязательство предварительно уведомлять о массовых собраниях лишь в особых обстоятельствах, например, тогда, когда возникает необходимость немедленно отреагировать на то или иное собы-

тие путем проведения митинга. В частности, такое отступление от общего правила может быть оправдано, если в случае задержки подобная реакция лишилась бы всякого смысла (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эва Мольнар против Венгрии», §§ 37–38, а также упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Скиба против Польши»).

154. Кроме того, нужно отметить, что разгон может быть даже такой митинг, на проведение которого на законных основаниях было получено разрешение, например, если он перерастает в массовые беспорядки (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против Российской Федерации», § 137).

(γ) Митинги и нарушение обычной жизни

155. Любая демонстрация в общественном месте в известной степени может нарушить обычную жизнь, в том числе вызвать перебои в движении транспорта (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Баррако против Франции», § 43, Постановление Европейского Суда по делу «Диск и Кеск против Турции» (Disk and Kesk v. Turkey) от 27 ноября 2012 г., жалоба № 38676/08, § 29, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Изджи против Турции», § 89). Само по себе это не оправдывает вмешательства в осуществление права на свободу собраний (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Берладир и другие против Российской Федерации», § 38, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гюн и другие против Турции», § 74), так как государству важно проявить определенную степень терпимости (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ашугян против Армении», § 90). Необходимую «степень терпимости» нельзя устанавливать *in abstracto*¹: Европейский Суд должен учитывать конкретные обстоятельства дела и, в частности, масштабы «нарушения обычной жизни» (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против Российской Федерации», § 145). При этом важно, чтобы организации и иные лица, проводящие демонстрации, являясь участниками демократического процесса, следовали правилам их проведения и соблюдали действующее законодательство (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ойя Атаман против Турции», § 38, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Балчик и другие против Турции», § 49, упоминав-

шее выше Постановление Европейского Суда по делу «Эва Мольнар против Венгрии», § 41, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Баррако против Франции», § 44, а также упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Скиба против Польши»).

156. Умышленный отказ организаторов следовать этим правилам и решение выстроить всю демонстрацию или ее часть таким образом, чтобы обычная жизнь и иные виды деятельности были нарушены в большем объеме, чем это неизбежно в сложившихся обстоятельствах, представляют собой действия, которые не могут подлежать такой же привилегированной защите согласно Конвенции, как политические высказывания, дискуссия по вопросам, представляющим интерес для общества, или мирное выражение мнений по подобным вопросам. Напротив, Европейский Суд считает, что государства-участники пользуются широкими пределами усмотрения при определении необходимости принимать меры по ограничению таких действий (см. § 97 настоящего Постановления, см. также *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Дриеман и другие против Норвегии»).

157. Ограничения свободы мирных собраний в общественных местах могут быть направлены на защиту прав других лиц для предотвращения беспорядков или перебоев в движении транспорта (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эва Мольнар против Венгрии», § 34). Поскольку слишком большое количество народа на массовых мероприятиях сопряжено с угрозами, в разных странах довольно часто вводятся ограничения, касающиеся места, даты, времени, формы или способа проведения запланированной манифестации (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против Российской Федерации», § 130).

(δ) Позитивные обязательства государства в соответствии со статьей 11 Конвенции

158. Государства обязаны не только воздерживаться от необоснованных косвенных ограничений права мирных собраний, но и охранять это право. Основной целью статьи 11 Конвенции является защита человека от произвольного вмешательства органов государственной власти в осуществление охраняемых этой статьей прав (см. Постановление Европейского Суда по делу «Объединенное общество машинистов электропоездов и водителей пожарных машин (ASLEF) против Соединенного Королевства» (Associated Society of Locomotive Engineers and Firemen (ASLEF) v. United Kingdom) от 27 февраля 2007 г., жалоба № 11002/05, § 37, а также упоминавшееся

¹ *In abstracto* (лат.) – в общем плане (примеч. редактора).

выше Постановление Европейского Суда по делу «Немцов против Российской Федерации», § 72), однако в дополнение к этому могут существовать и позитивные обязательства по обеспечению эффективного пользования этими правами (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Джавит Ан против Турции», § 57, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ойя Атаман против Турции», § 36, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гюн и другие против Турции», § 72).

159. На внутригосударственные органы власти возложена обязанность принимать надлежащие меры в отношении любой законной демонстрации с целью обеспечить ее мирное проведение и безопасность всех граждан (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ойя Атаман против Турции», § 35, Постановление Европейского Суда по делу «Махмудов против Российской Федерации» (*Makhmoudov v. Russia*) от 26 июля 2007 г., жалоба № 35082/04¹, §§ 63–65, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Скиба против Польши», а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гюн и другие против Турции», § 69). Однако они не могут гарантировать это абсолютно во всех обстоятельствах и пользуются широкими пределами усмотрения при выборе средств, которые они могут использовать (см. Постановление Европейского Суда по делу «Протопапа против Турции» (*Protopapa v. Turkey*) от 24 февраля 2009 г., жалоба № 16084/90, § 108). В этой сфере обязательство, которое они принимают на себя согласно статье 11 Конвенции, касается не результатов, которых нужно достичь, а мер, которые необходимо принять (см. Постановление Европейского Суда по делу «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии» (*Plattform “Ärzte für das Leben” v. Austria*) от 21 июня 1988 г., § 34, Series A, № 139, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фабер против Венгрии», § 39).

160. В частности, Европейский Суд подчеркивал, что важно принимать профилактические меры по обеспечению безопасности, например, обеспечивать дежурство на месте проведения митингов бригад скорой помощи с целью гарантировать благополучное проведение подобного рода митингов, собраний или иных мероприятий, будь то политического, культурного или иного характера (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ойя Атаман против Турции», § 39).

(ii) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

(а) Предварительное разрешение на проведение мирного собрания

161. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле фермерам разрешили провести митинг в заранее определенных местах. Так, в мае 2003 года администрация г. Калварии выдала разрешение на проведение мирных собраний в г. Калварии «рядом с рынком» 13–16 мая 2003 г., с 8.00 до 23.00, 17 мая 2003 г., с 8.00 до 15.00, и 19–20 мая 2003 г., с 8.00 до 23.00. Аналогичные разрешения были выданы на 21–23, 24 и 26–30 мая (см. § 15 настоящего Постановления). 8 мая 2003 г. администрация г. Пасвалиса выдала разрешение на проведение митинга сроком на 10 дней с 15 по 25 мая 2003 г. «на автомобильной стоянке на 63-м километре трассы “Виа Балтика” и рядом с этой трассой» (см. § 16 настоящего Постановления). Наконец, 19 мая 2003 г. администрация г. Клайпеды выдала разрешение на проведение собрания «в районе деревни Дивупяй, рядом с трассой “Вильнюс–Клайпеда”, но не ближе чем за 25 метров от этой трассы» 19–25 мая 2003 г., с 11.00 до 23.00 (см. § 17 настоящего Постановления).

162. Таким образом, власти Литвы в явной форме выдали предварительное разрешение на проведение собраний (в качестве примеров противоположной ситуации см. упоминавшиеся выше Решения и Постановления Европейского Суда по делам «Зилиберберг против Молдавии», «Ойя Атаман против Турции», §§ 38–39, «Букта и другие против Венгрии», § 34, «Эва Мольнар против Венгрии», §§ 40–41, «Скиба против Польши», «Раи и Эванс против Соединенного Королевства», «Гюн и другие против Турции», § 77, а также «Примов и другие против Российской Федерации», §§ 121–128). Следовательно, выступления фермеров нельзя считать незаконными в связи с несоблюдением соответствующих внутригосударственных процедур, предшествующих проведению этих собраний.

163. Кроме того, следует отметить, что с 19 мая до полудня 21 мая 2003 г. фермеры собирались в заранее определенных местах и имели возможность мирно митинговать без всякого вмешательства со стороны властей (см. § 19 настоящего Постановления).

(β) Действия заявителей и других митингующих с 21 по 23 мая 2003 г. и последствия этих действий

164. Однако около полудня 21 мая 2003 г., после того, как переговоры с властями зашли в тупик, фермеры решили перенести митинги из зара-

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2008. № 4 (примеч. редактора).

нее определенных мест на прилегающие трассы, в частности, на трассу «Вильнюс–Клайпеда», на трассу «Паневежис–Пасвалис–Рига» и на трассу «Каунас–Мариямполе–Сувалки» (см. § 20 настоящего Постановления). Власти Литвы указывали, что речь идет о трех основных автомобильных дорогах страны, и заявители этого не оспаривали. Кроме того, 21 мая 2003 г., с 15.00 до 16.30, третий – пятый заявители вывели на трассу «Каунас–Мариямполе–Сувалки» тракторы и оставили их на асфальте проезжей части, заблокировав тем самым движение транспорта (см. пункт «с» § 21 настоящего Постановления).

165. По мнению Европейского Суда, переход митингующих с заранее определенных мест на трассы являлся явным нарушением условий разрешений, которые им были выданы. Митингующие не стали предварительно уведомлять власти об этих действиях и просить их изменить условия разрешений. Заявители не могли не знать об этих требованиях.

166. Кроме того, по-видимому, действия фермеров, выходящие за рамки разрешений на проведение митингов, не были оправданы необходимостью немедленно отреагировать на какое-либо событие (см., в частности и *mutatis mutandis* Постановления и Решения Европейского Суда, указанные в §§ 152 и 153 настоящего Постановления), хотя это и не имеет решающего значения в тех обстоятельствах, о которых идет речь. Европейский Суд отмечает, что проблемы в сельском хозяйстве и снижение оптовых цен на сельскохозяйственную продукцию начались уже довольно давно и что недовольство фермеров не уменьшалось, поскольку государство, по их мнению, не реализовало положений резолюции Парламента Литвы от 22 апреля 2003 г. (см. § 13 настоящего Постановления). Обстоятельства, которые привели к конфликту, были хорошо известны и заявителям, и властям еще до выдачи разрешений на проведение собраний. В деле отсутствуют указания на то, что 21 мая 2003 г. или за несколько дней до этой даты внезапно произошло какое-то политическое событие, требующее немедленной реакции.

167. С учетом вышеизложенного Европейский Суд приходит к выводу, что несанкционированное перекрытие трасс не оправдывалось «событием, требующим немедленной реакции» (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эва Мольнар против Венгрии», § 38, и упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Скиба против Польши», в качестве примера противоположной ситуации см. также *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Букта и другие против Венгрии», § 36, где поводом для проведения демонстрации стал спонтанный протест против посещения премьер-министром Венгрии приема, организованного премьер-министром Румынии).

168. Относительно довода заявителей о том, что в ситуации, когда возникли серьезные финансовые проблемы, перекрытие трасс стало последним средством защиты их охраняемых законом интересов (см. §§ 119–120 настоящего Постановления), Европейский Суд не видит оснований ставить под сомнение вывод судов Литвы, согласно которому в распоряжении фермеров были альтернативные законные средства защиты их интересов, в частности, возможность обратиться с жалобами в административные суды (см. § 43 настоящего Постановления).

169. Европейский Суд также не видит оснований сомневаться в выводах судов Литвы, согласно которым заявители знали, что переход митингующих с заранее определенных мест на трассы и оставление тракторов на проезжей части трассы «Каунас–Мариямполе–Сувалки» вызовут серьезные перебои в движении транспорта. Рассмотрев материалы, которыми они располагали, суды Литвы и отделения полиции городов Кальварии и Пасвалиса (см. §§ 29 и 30 настоящего Постановления) установили, что перекрытие дорог создало существенные помехи движению грузовых и частных автомобилей, вследствие чего образовались пробки и машины выстроились в длинные очереди. Это продолжалось более 48 часов, так как дорожное движение возобновилось только 23 мая 2003 г. Обычно в задачи Европейского Суда не входит подменять анализ обстоятельств дела, произведенный внутригосударственными судами, своей собственной точкой зрения. По общему правилу внутригосударственные суды самостоятельно оценивают представленные им доказательства (см., *inter alia*, Постановление Европейского Суда по делу «Эдвардс против Соединенного Королевства» (*Edwards v. United Kingdom*) от 16 декабря 1992 г., § 34, Series A, № 247-B, Постановление Европейского Суда по делу «Видал против Бельгии» (*Vidal v. Belgium*) от 22 апреля 1992 г., §§ 33–34, Series A, № 235-B, а также Постановление Европейского Суда по делу «Клаас против Германии» (*Klaas v. Germany*) от 22 сентября 1993 г., § 29, Series A, № 269). Европейскому Суду не было предоставлено материалов, которые могли бы поставить под сомнение выводы судов Литвы и подтвердить утверждения, сделанные заявителями во время рассмотрения дела в Европейском Суде, которые оспаривали власти государства-ответчика, о том, что в дни проведения митингов поставка товаров осуществлялась «даже лучше, чем обычно» (см. §§ 24 и 121 настоящего Постановления).

170. Как отмечалось в § 97 настоящего Постановления, нарушение обычной жизни и движения транспорта не являлось побочным эффектом митинга, проведенного в общественном месте. Пока митингующие оставались на заранее определенных местах, препятствий дорожному движению не возникало. Решение фермеров выйти на

трассы и использовать тракторы не могло являться не чем иным, как попыткой заблокировать или ограничить движение транспорта и создать хаос, чтобы привлечь внимание к нуждам фермеров. Перекрытие международных трасс не могло преследовать иной цели, кроме как оказывать давление на органы власти, чтобы заставить их пойти навстречу требованиям фермеров. Это подтверждается тем, что дорожное движение возобновилось, как только митингующим сообщили об успешном завершении переговоров (см. §§ 22 и 28 настоящего Постановления). Этим настоящее дело отличается от дел, в которых Европейский Суд отмечал, что в определенной степени митинги могут нарушать обычную жизнь, в том числе вызывать перебои в движении транспорта (см. Постановления и Решения Европейского Суда, указанные в § 155 настоящего Постановления).

171. Европейскому Суду уже приходилось рассматривать ситуации, когда митингующие пытались предотвратить какие-либо действия других лиц или изменить порядок их осуществления. В упоминавшемся выше деле «Стил и другие против Соединенного Королевства» первая и вторая заявительницы сорвали охоту и воспрепятствовали инженерным работам при строительстве скоростной автомобильной дороги соответственно. В упомянутом выше деле «Дриеман и другие против Норвегии» активисты организации «Гринпис» маневрировали на шлюпках, чтобы физически помешать охоте на китов, заставив китобоев прекратить законную эксплуатацию живых ресурсов в исключительной экономической зоне Норвегии. В этих двух делах Европейский Суд пришел к выводу, что применение санкций (в деле «Стил и другие против Соединенного Королевства» речь шла о предварительном содержании под стражей в течение 48 часов и о лишении свободы на 28 суток за воспрепятствование охоте, а также о предварительном содержании под стражей в течение 17 часов и о лишении свободы на семь суток за протесты против строительства скоростной автомобильной дороги; в деле «Дриеман и другие против Норвегии» речь шла о предварительном содержании под стражей в течение двух суток, о штрафах, за неуплату которых полагалось лишение свободы, и о конфискации шлюпки) являлось реакцией, соразмерной, *inter alia*, правомерной цели, которая заключалась в защите прав и свобод других лиц. Европейский Суд полагает, что к аналогичному выводу следует *a fortiori* прийти и в настоящем деле, где действия митингующих не были непосредственно направлены на деятельность, против которой они выступали, а преследовали цель сделать физически невозможными другие действия (эксплуатацию трасс грузовыми и частными автомобилями), которые не были непосредственно связаны с тем, против чего они протестовали, то есть с предполагаемым отказом государства принять меры в связи с умень-

шением цен на некоторые виды сельскохозяйственной продукции.

172. В этом отношении настоящее дело больше похоже на дело «Лукас против Соединенного Королевства» (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Лукас против Соединенного Королевства»), где заявитель перекрыл дорогу общего пользования, протестуя против сохранения в составе вооружений атомной подводной лодки, и на дело «Баррако против Франции» (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Баррако против Франции»), касающееся участия заявителя в акции протеста, которая привела к существенному замедлению дорожного движения. Как и в делах «Стил и другие против Соединенного Королевства» и «Дриеман и другие против Норвегии», Европейский Суд пришел к выводу, что назначенные заявителям наказания (содержание в полицейском фургоне в течение четырех часов и штраф в размере 150 фунтов стерлингов в деле «Лукас против Соединенного Королевства», наказание в виде трех месяцев лишения свободы условно и штраф в размере 1 500 евро в деле «Баррако против Франции») были «необходимы в демократическом обществе» по смыслу пункта 2 статьи 11 Конвенции. Далее Европейский Суд отмечает, что в деле «Баррако против Франции» перебои в движении транспорта продолжались всего пять часов (в отличие от настоящего дела, где они длились более 48 часов) и что перекрыты были не три трассы, а одна.

173. Из приведенной выше прецедентной практики следует, что умышленное серьезное нарушение митингующими обычной жизни и деятельности, которой на законных основаниях занимаются другие лица, в большей степени, чем это обычно происходит при осуществлении права на мирные собрания в общественном месте, можно считать «предосудительными действиями» по смыслу прецедентной практики Европейского Суда (см. § 149 настоящего Постановления). Следовательно, эти действия могут оправдывать назначение наказания, даже если оно имеет уголовно-правовой характер.

174. Европейский Суд полагает: несмотря на то, что заявители не прибегали к насилию и не подстрекали к насилию других лиц (в качестве примеров противоположной ситуации см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Османи и другие против Македонии», упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Протопапа против Турции», а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против Российской Федерации»), практически полное блокирование трех основных трасс при грубом пренебрежении требованиями полиции, нуждами и правами участников дорожного движения представляет собой

действия, которые хотя и не являются такими серьезными, как применение физической силы, но могут считаться «предосудительными».

175. При подобных обстоятельствах Европейский Суд не видит причин сомневаться в том, что обжалуемое по делу ограничение, вызванное решением властей Литвы привлечь заявителей к ответственности за их действия, имело под собой уместные и достаточные основания. Принимая во внимание пределы усмотрения, которые нужно предоставлять государству-ответчику в подобного рода обстоятельствах (см. § 156 настоящего Постановления, см. также для сравнения широкие пределы усмотрения, которыми пользуются государства-участники в связи с действиями профсоюзов: Постановление Европейского Суда по делу «Национальный союз железнодорожных, морских и транспортных работников против Соединенного Королевства» (*National Union of Rail, Maritime and Transport Workers v. United Kingdom*), жалоба № 31045/10, §§ 86–87, *ECHR* 2014), оно явно вправе было считать, что интересы защиты общественного порядка перевесили интерес заявителей в воспрепятствовании дорожному движению для достижения прогресса в переговорах фермеров с властями (см. *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против Российской Федерации», § 160).

(γ) Действия властей во время митингов

176. Что касается действий властей, Европейский Суд отмечает, что они по запросу фермеров выдали разрешения на проведение мирных собраний в конкретных местах и не вмешивались в ход этих собраний до тех пор, пока их участники не перешли на другие места, то есть на трассы. С этого момента полиция ограничивалась тем, что требовала от заявителей перестать создавать препятствия дорожному движению и предупреждала их о возможной ответственности (см. §§ 46 и 52 настоящего Постановления). Даже когда заявители отказались подчиниться этим законным требованиям, полиция не стала разгонять людей. Фермеры решили прекратить митинг только тогда, когда власти удовлетворили их требования (см. § 22 настоящего Постановления). Кроме того, когда между фермерами и водителями грузовиков начались споры, полиция призвала участников конфликта успокоиться, чтобы избежать серьезных столкновений (см. § 28 настоящего Постановления). Наконец, власти попытались перенаправить движение транспорта на второстепенные соседние дороги, чтобы уменьшить пробки.

177. С учетом вышеизложенного Европейский Суд приходит к выводу, что, несмотря на серьезные проблемы, к которым привели действия заявителей, власти проявили высокую степень терпимо-

сти (см. *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эва Мольнар против Венгрии», § 43, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Баррако против Франции», § 47, а также упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Скиба против Польши», в качестве примера противоположной ситуации см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Примов и другие против Российской Федерации»). Более того, власти попытались найти равновесие между интересами митингующих и интересами пользователей трасс с целью обеспечить мирное проведение митинга и безопасность всех граждан, выполнив тем самым все позитивные обязательства, которые могли у них быть (см. прецедентную практику, приведенную в §§ 158–160 настоящего Постановления).

(δ) Примененные к заявителям санкции

178. Что касается примененных к заявителям санкций, Европейский Суд отмечает, что им было назначено мягкое наказание в виде ареста на 60 суток, исполнение которого было приостановлено на один год. Заявители не были обязаны платить штрафы, и единственным реальным последствием привлечения их к ответственности стало обязательство в течение одного года получать разрешение в случае, если они захотят покинуть места жительства более чем на семь дней (см. § 47 настоящего Постановления). Аналогичная мера применялась к четырем заявителям до начала судебного разбирательства по их делу с июля по октябрь 2003 года (см. § 33 настоящего Постановления). Эти неудобства не кажутся несоразмерными, если учесть серьезное нарушение общественного порядка, к которому привели действия заявителей (см. также для сравнения санкции, примененные в упоминавшихся выше делах «Стил и другие против Соединенного Королевства» и «Лукас против Соединенного Королевства», которые Европейский Суд счел соразмерными). К тому же заявители не утверждали, что они обращались с просьбами разрешить им покинуть место жительства и получили отказ или что суды Литвы систематически оставляли такие просьбы без внимания.

179. Большая Палата Европейского Суда не приходит к убеждению, что уголовное преследование заявителей помешало установить равновесие между противоречащими друг другу интересами, о которых идет речь в деле (см. для сравнения § 82 Постановления Палаты Европейского Суда по настоящему делу). В связи с этим она отмечает, что апилиновый суд, рассматривая вопрос о том, можно ли достичь цели наказания без реального лишения их свободы, принял во внимание характеристики заявителей и степень их вины (см. § 47

настоящего Постановления). Кроме того, окружной суд и Верховный суд Литвы рассмотрели дело с учетом, *inter alia*, конституционного и конвенционного права человека свободно выражать свое мнение (см. §§ 53 и 58 настоящего Постановления).

180. Далее Большая Палата Европейского Суда полагает, что необходимо уделить должное внимание широким рамкам допустимого усмотрения государства по соответствующим вопросам в конкретных обстоятельствах настоящего дела. В связи с этим следует отметить, что, согласно имеющимся в распоряжении Европейского Суда материалам сравнительно-правовых исследований (см. §§ 78–81 настоящего Постановления), в государствах-участниках отсутствует единый подход к юридической квалификации воспрепятствования движению транспорта по трассам общего пользования: в одних странах это считается преступлением, а в других – административным правонарушением. Следовательно, при квалификации действий, вменяемых в вину заявителям, внутригосударственные органы власти должны пользоваться широкими пределами усмотрения. Таким образом, привлекая заявителей к уголовной ответственности за совершенные ими действия, власти Литвы не вышли за широкие пределы своего усмотрения (см. § 156 настоящего Постановления).

181. Большая Палата Европейского Суда не видит оснований отступать от вывода судов Литвы о том, что А.Д., еще один фермер, препятствовавший движению транспорта, подлежал только административной ответственности за нарушение правил дорожного движения (см. для сравнения § 83 Постановления Палаты Европейского Суда по настоящему делу). В любом случае тот факт, что с другими людьми, возможно, обошлись менее строго, необязательно указывает на несоразмерность назначенного заявителям наказания.

(ε) Вывод

182. Все вышеприведенные доводы, взятые в совокупности, приводят Европейский Суд к выводу, что, назначив заявителям наказание за массовые беспорядки в связи с их действиями с 21 по 23 мая 2003 г. во время выступлений фермеров, власти Литвы не нарушили справедливого равновесия между правомерными целями «предотвращения беспорядков» и «защиты прав и свобод других лиц», с одной стороны, и требованиями свободы собраний, с другой стороны. Они опирались в своих решениях на допустимую оценку обстоятельств дела и на уместные и достаточные основания. Таким образом, они не вышли за рамки допустимых пределов усмотрения по соответствующим вопросам.

183. Обжалуемое по делу вмешательство было «необходимо в демократическом обществе» по

смыслу статьи 11 Конвенции, а значит, в настоящем деле не имело места нарушения этой статьи.

184. Данный вывод освобождает Большую Палату Европейского Суда от необходимости рассматривать выдвинутые сторонами доводы для того, чтобы определить оправданность принятых властями Литвы мер с точки зрения прецедентной практики Суда Европейского союза (см. § 125 настоящего Постановления, где приведены соответствующие доводы заявителей, и §§ 134–135 настоящего Постановления, в которых приведены соответствующие доводы государства-ответчика). В связи с этим Большая Палата Европейского Суда ограничивается замечанием: роль Суда Европейского союза заключается в том, чтобы установить, выполнили или не выполнили государства – члены Европейского союза свое обязательство по обеспечению свободы передвижения товаров, тогда как задача Европейского Суда в настоящем деле заключается в том, чтобы определить, было ли допущено нарушение права заявителей на свободу собраний.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 7 КОНВЕНЦИИ

185. Далее заявители утверждали, что их привлечение к ответственности привело к нарушению статьи 7 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«1. Никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления.

2. Настоящая статья не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами».

186. Власти Литвы оспорили этот довод.

А. ДОВОДЫ СТОРОН В ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Заявители

187. При рассмотрении дела Палатой Европейского Суда заявители жаловались в Европейский Суд на то, что часть первая статьи 283 Уголовного кодекса Литвы, на основании которой их привлекли к ответственности, была нечетко сформулирована и неправильно истолкована внутригосударственными судами (см. также доводы заявителей, приведенные в контексте статьи 11 Конвенции, в § 103 настоящего Постановления).

2. Власти Литвы

188. Власти Литвы отмечали, что часть первая статьи 283 Уголовного кодекса Литвы – это закон, доступный всем гражданам, и что он вступил в силу 1 мая 2003 г. Понятие серьезного нарушения общественного порядка, содержащееся в данном положении, нельзя считать недостаточно четким или определенным, так как в законах со всеми основаниями могут использоваться общие категории, а не исчерпывающие перечни. Кроме того, Верховный суд Литвы пояснил сущность соответствующего преступления (массовые беспорядки) в Решении от 4 октября 2005 г. (см. §§ 56–59 настоящего Постановления).

189. Власти государства-ответчика считали, что при вынесении заявителям обвинительных приговоров суды Литвы не вышли за рамки обоснованного толкования определения данного преступления. По их мнению, действия заявителей могли причинить значительный ущерб и представлять опасность для имущества, здоровья и даже жизни других лиц, такого более серьезного ущерба удалось избежать, потому что полиция приняла профилактические меры и организовала альтернативные маршруты движения транспорта.

190. Власти Литвы также считали, что привлечение заявителей к ответственности за массовые беспорядки было предсказуемым. Наказание за аналогичное преступление полагалось и по «старому» Уголовному кодексу Литвы 1961 года, который действовал до 30 апреля 2003 г. Организаторам митинга (А.К. и Б.М.) официально сообщили в письменном виде о содержании статьи 283 Уголовного кодекса Литвы (см. §§ 15 и 17 настоящего Постановления), следовательно, они могли заранее предположить, что за перекрытие трасс они подлежат судебному преследованию. Ввиду того, что они несли особую ответственность за действия митингующих, они могли бы также обратиться за консультациями к профессиональным юристам.

191. Действительно в деле заявителей норма об ответственности за массовые беспорядки была, по-видимому, применена в первый раз. Однако отсутствие в стране судебной практики по объективным причинам (небольшая распространенность данного преступления) не может автоматически приводить к нарушению статьи 7 Конвенции. Впоследствии обвинительные приговоры за массовые беспорядки в связи с событиями 2009 года были вынесены и другим лицам (см. Решение Верховного суда Литвы от 4 декабря 2012 г. по уголовному делу № 2К-552/2012).

В. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

192. С учетом своих выводов по статье 11 Конвенции Палата Европейского Суда сочла, что она

уже рассмотрела основной вопрос права, который поднимается в деле, а значит, отдельно рассматривать жалобу с точки зрения статьи 7 Конвенции необязательно (см. § 87 Постановления Палаты Европейского Суда).

С. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

193. Европейский Суд отмечает, что вмешательство в осуществление заявителями свободы мирных собраний было «предусмотрено законом» по смыслу пункта 2 статьи 11 Конвенции, в частности, заявители могли его предвидеть (см. §§ 111–118 настоящего Постановления). Кроме того, Европейский Суд напоминает, что понятие «закон», которое используется в статье 7 Конвенции, соответствует аналогичному понятию, содержащемуся в других ее статьях; оно охватывает законодательные акты и судебную практику, предъявляя к ним качественные требования, в частности требования доступности и предсказуемости (см. изложение соответствующих принципов в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рохлена против Чешской Республики» (*Rohlena v. Czech Republic*), жалоба № 59552/08, § 50, *ECtHR* 2015). Далее Европейский Суд отмечает, что в своих замечаниях по делу, представленных в Большую Палату Европейского Суда, заявители не стали конкретно затрагивать жалобу на нарушение статьи 7 Конвенции, которую они подали в Палату Европейского Суда. Следовательно, Европейский Суд считает необязательным отдельно рассматривать вопрос о том, было ли по делу допущено нарушение статьи 7 Конвенции.

На основании изложенного Суд единогласно:

- 1) постановил, что по делу не было допущено нарушения статьи 11 Конвенции;
- 2) постановил, что отсутствует необходимость отдельно рассматривать жалобу на нарушение статьи 7 Конвенции.

Совершено на английском и французском языках, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 15 октября 2015 г. согласно пунктам 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сёрен ПРЕБЕНСЕН	Дин ШПИЛЬМАНН
Заместитель Секретаря	Председатель
Большой Палаты Суда	Большой Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагается совпадающее мнение судьи Кжиштофа Войтычека.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КЖИШТОФА ВОЙТЫЧЕКА

(Перевод)¹

1. Я полностью разделяю мнение своих коллег о том, что свобода собраний имеет первоочередное значение в демократическом обществе и требует особой защиты. Кроме того, я считаю, что в настоящем деле не было допущено нарушения Конвенции. Тем не менее я хотел бы добавить к мотивировочной части настоящего Постановления некоторые нюансы.

2. В мотивировочной части Постановления Европейский Суд в общих выражениях заявляет, что «(в) принципе духу статьи 11 Конвенции не противоречит, если по соображениям общественного порядка и национальной безопасности Высокая Договаривающаяся Сторона требует получать разрешение на проведение собраний...» (см. § 147 настоящего Постановления), не рассматривая вопрос о соразмерности этой меры. Меня подобный подход не убеждает. Мне кажется, при этом признается, что требование получать предварительное разрешение на проведение собраний, по общему правилу, соответствует положениям Конвенции. Такая позиция недостаточно полно учитывает букву статьи 11 Конвенции. Требование заранее получать разрешение на проведение митинга является вмешательством в сферу, охраняемую пунктом 1 статьи 11 Конвенции, и его необходимо рассматривать сквозь призму пункта 2 этой статьи. В частности, данная мера должна соответствовать принципу соразмерности. Для того, чтобы ответить на вопрос о необходимости рассматриваемой меры в демократическом обществе, нужно принять во внимание, *inter alia*, характер мероприятия, которое хотят провести граждане, и характер тех мест, к которым данная мера применяется. Кроме того, фактические обстоятельства каждого дела надо изучить с учетом специфики различных государств. В одних случаях требование получать разрешение совершенно обоснованно, тогда как в других случаях оно необязательно является таковым. Кроме того, требуется проводить четкое различие между разрешительным и уведомительным порядком, поскольку последний связан с гораздо меньшими ограничениями. Во многих случаях для обеспечения эффективной защиты интересов общества и прав третьих лиц достаточно обязанности уведомлять о проведении митинга, в то время как обязательство получать предварительное разрешение является чрезмерно строгой мерой.

Подход Европейского Суда, требующий от властей проявлять определенную гибкость по отношению к несанкционированным митингам и, в частности, спонтанным выступлениям, не компен-

сирует всех негативных последствий для свободы собраний, вытекающих из общего вывода о том, что требование получать предварительное разрешение на проведение демонстраций соответствует положениям Конвенции.

3. Статья 11 Конвенции охраняет свободу мирных собраний. Она применяется к различным категориям коллективных мероприятий, организованных для выражения мнений. Необходимо широко толковать понятие мирных собраний и не забывать о принципе *in dubio pro libertate*². Однако сфера применения этой статьи должна быть определенным образом ограничена. Свобода собраний предполагает, что внутригосударственные власти обязаны принимать меры, необходимые для защиты безопасности митингующих, но при определении сферы действия статьи 11 Конвенции необходимо также принимать во внимание обязанность властей эффективно защищать права третьих лиц, которые могут быть непосредственно затронуты последствиями коллективных акций, выходящими далеко за рамки обычных результатов митингов. К тому же я считаю прискорбным, что в мотивировочной части настоящего Постановления этому последнему обязательству внутригосударственных органов власти не было придано более важного значения.

Я с большими колебаниями признаю, что организованное заявителями перекрытие трасс подпадает под действие статьи 11 Конвенции. В мотивировочной части настоящего Постановления правильно подчеркивается, что дороги были перекрыты с целью нарушить передвижение лиц и товаров внутри страны (см. §§ 164–175 настоящего Постановления). Последствия такого рода действий выходят далеко за рамки обычных неудобств, вызванных проведением митингов в общественных местах. Кроме того, они выходят далеко за рамки пассивных протестов, которые организуются в тех или иных конкретных местах для того, чтобы блокировать доступ к ним. Заявители предприняли эти действия с целью отстоять свои взгляды не силой аргументов, а путем непосредственного нарушения охраняемых законом личных экономических интересов значительного количества третьих лиц и экономической жизни своей страны, то есть в большей степени с позиции силы. Митингующие хотели не просто быть услышанными, но и непосредственно затронуть интересы своих сограждан. В этом контексте действия заявителей правильно названы в мотивировочной части постановления предсудительными (см. § 174 настоящего Постановления). Неужели такие действия действительно *prima facie*³ попадают под защиту статьи 11 Конвенции?

¹ Имеется в виду, что мнение в оригинале было составлено не на английском языке, в данном случае оно было составлено на французском языке (примеч. редактора).

² *In dubio pro libertate* (лат.) – здесь: в случае сомнений следует использовать более вольное толкование (примеч. редактора).

³ *Prima facie* (лат.) – при отсутствии доказательств в пользу противного (примеч. редактора).

4. По-видимому, в мотивировочной части настоящего Постановления большое значение придается тому, что, как отметили суды Литвы, фермеры могли бы воспользоваться альтернативными законными средствами защиты своих интересов, например, обратиться с жалобами в административные суды (см. § 168 настоящего Постановления). С этой точки зрения эффективность защиты свободы мирных собраний может снижаться в зависимости от существования других средств защиты соответствующих интересов, а это ведет к тому, что защита, которую обеспечивает Конвенция, становится относительной.

В связи с этим я хотел бы отметить, что в демократическом государстве – члене Совета Европы у граждан не может не быть различных средств коллективного выражения своих мнений и защиты своих интересов помимо тех, которые прямо и умышленно подрывают свободу передвижения и охраняемые законом экономические интересы других лиц. В то же время наличие у заявителей возможности отстоять свои интересы путем подачи

жалоб в административные суды, как мне кажется, не имеет отношения к юридической квалификации их действий. Даже если по тем или иным причинам экономические интересы, которые отстаивали митингующие, нельзя эффективно защитить в судебном порядке и их требования не могут рассматриваться судами, это не оправдывает причинения ущерба охраняемым законом интересам и правам других лиц. И наоборот, если требования, озвученные на мирном собрании, относятся к компетенции судов, это не может снизить степень защиты, которую обеспечивает митингующим статья 11 Конвенции.

5. Независимо от ответа на вопрос о применимости статьи 11 Конвенции в настоящем деле вывод о том, что власти Литвы выполнили требования Конвенции, представляется самоочевидным. С учетом конкретных обстоятельств дела, подробно описанных в мотивировочной части настоящего Постановления, жалобу можно было бы даже объявить явно необоснованной.